

любовный детектив

**Елена
АРСЕНЬЕВА**

Мост бриллиантовых
грез

Елена Арсеньева

Мост бриллиантовых грез

«Автор»

Арсеньева Е. А.

Мост бриллиантовых грез / Е. А. Арсеньева — «Автор»,

ISBN 5-699-14092-1

След этого человека вел в Париж. Да и куда еще может отправиться тот, кому удалось украсть бриллианты на огромную, просто фантастическую сумму!.. А в том, что несметные сокровища именно украдены у умершего в купе поезда Валерия Константинова, ничуть не сомневаются его сын Роман и вторая жена Эмма. Так что в Париж направляются именно они. Их план прост и изящен: подобраться к вору через его любовниц, которых и соблазняет юный Роман, чья красота служит приманкой для чувственных француженок. Но удастся ли вернуть бриллианты? Да и были ли они вообще похищены?..

ISBN 5-699-14092-1

© Арсеньева Е. А.

© Автор

Содержание

Елена Арсеньева	5
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Елена Арсеньева

Мост бриллиантовых грез

Ваш нежный рот – сплошное целованье!
М. Цветаева

...Нас – много. Мы не умеем считать, мы не знаем точно, сколько нас, знаем только – много. Мы собраны сюда, в нашу темницу, из разных мест, и сначала мы поглядывали друг на друга настороженно, надменно. Мы ведь разные! Каждый из нас – сокровище сам по себе. Но сущность у нас одна – сущность прозрачного сверкающего камня, из-за которого люди способны совершать безумства.

Каждый из нас многое мог бы порассказать о своей судьбе! Рассказать о тех руках, которые вынимали нас невзрачными, грязными, бесформенными комочками из синей глины, счищали ее, прятали нас в самых немислимых местах, вынося из промерзлой тайги или вывозя из душных тропических стран. Мы переходили из рук в руки. Нас разглядывали в лупу и на свет, нас бросали на чашу весов, за нас отсчитывали золотые монеты и смятые ассигнации. Лица мелькали над нами – бородатые лица мужиков и пиратов, сморщенные от хитрости лица ювелиров, бледные от алчности лица дам и господ – тех, кто покупал нас и продавал. Нас ограняли, обрамляли золотом или платиной, нас вдевали в уши или нанизывали на пальцы, нас возлагали на головы или окружали нами шеи, запястья, прикалывали к одежде в виде брошей или орденов. Рядом с нами меркли все прочие камни, и мы с презрением взирали на разные там сапфиры и рубины, на изумруды и топазы, которые люди по глупости своей пытались нам противопоставить.

Тицетно! Они однообразны и унылы, они – только синие, только красные, только зеленые, только желтые. Мы – о, мы... Мы воплощаем в себе бесчисленность, бессчетность, бесконечность! Что может соперничать с нашей невозмутимой сверкающей прозрачностью, с этой чистотой, в которой сосредоточено все многообразие красок и цветов, с этим холодным сверканьем, в котором таится жаркая, живая, ослепительная игра солнечных лучей?

Ничто не сравнится с нами – и по красоте, и по уменью дурманить человеческие головы. Нас не раз обгаляли кровью, однако мы остаемся по-прежнему блистательно чисты и невозмутимы, осознавая свою царственную сущность. Алмаз – император всех камней!

О, это воистину так. Мы знали, что мы – всемогущи. Ради обладания нами люди предавали и убивали друг друга. Мы были для них превыше всего! Но они напрасно думали, что обладают нами. Это мы, мы обладали ими! Одна наша хозяйка, надевая нас и вертясь перед зеркалом, называла нас любимой игрушкой красавиц. На самом же деле и красавицы, и красавицы, и уроды, и дурнушки забавляли нас, были нашими игрушками. Мы делали с ними, что хотели. Мы вершили их судьбы.

И вот однажды случилось нечто непонятное... Руки нашей хозяйки, которые прежде касались нас так любовно, с таким восхищением, дрожали. На нас капали ее слезы. Мы помним, как нас выламывали из наших насиженных, привычных гнездышек-оправ, варварски, торопливо разрушая их. Потом нас ссыпали вместе, в один мешочек, словно мы были какими-то пошлыми горошинами, предназначенными для супа. Мы с возмущением терлись друг о дружку нашими отшлифованными, виртуозно ограненными боками, мы ворчали, мы похвалялись друг перед другом своими историями, мы кичились своей древностью и ценностью и бранили людей, которые смеют обращаться с нами так небрежно, так неуважительно.

Мы помним, как нас куда-то несли... Потом раздались крики. Что-то загрохотало. Потом настала тишина.

С той минуты про нас забыли... Мы лежали в тишине, в темноте, медленно, но верно обрастая пылью и грязью. Мы ждали, когда за нами придут, чтобы вернуть нам прежнее величие, подобающее нашему царственному сану. Мы умеем ждать, ведь мы – порождение земли, мы столь же древние, как сама планета наша. У каждого из нас позади – вечность и впереди – вечность, люди – это ничтожные, мгновение живущие мошки по сравнению с нами. Однако люди нужны нам для того, чтобы вернуть нам блеск, чтобы восторгаться нами! Мы тускнеем и меркнем, когда на нас не смотрят восхищенные, алчные глаза людей!

Но мы знали, что наш час настанет, и терпеливо ждали. И вот наконец-то нас нашли! Солнце заиграло в наших гранях. Мы увидели восхищение и алчность в человеческих глазах. И мы снова ощутили себя властителями человеческих судеб. Мы снова почувствовали, что правим миром!

* * *

Часом позже Фанни не обратила бы на него никакого внимания. Часом позже она его просто не заметила бы в той суете, которая начинается в Париже с семи утра и заканчивается около полуночи. И здесь, на мосту Пон-Неф, тоже воцаряется жуткая суета. Автобусы, автомобили, пешеходы... Кому надо, переходят или переезжают через Сену из правой части города в левую и наоборот; кому надо, спешат на остров Сите или оттуда... А главное, с самого раннего утра на парижских мостах начинают болтаться туристы. Туристы обожают парижские мосты, особенно Пон-Неф! Впрочем, чего только не обожают эти самые туристы! Они ретиво вползают на Мон-мартр, пыхтя и отдуваясь на крутых улочках и почти вертикальных лесенках; слоняются в галереях Лувра; торчат на площади Конкорд, пытаясь обрызгать себя и других водой из фонтанов; топчутся под Эйфелевой башней, истово закидывая головы и рискуя переломить шею; кружат возле Нотр-Дам, разглядывая горгульи-химеры... – ну и вообще кучкуются в тех местах, которые считаются обязательными пунктами посещения для всякого уважающего (и даже не уважающего себя) иноземного вояжера, наконец-то сподобившегося оказаться в знаменитом Париже. Особенно много среди них почему-то японцев (такое ощущение, что гораздо больше, чем в самой Японии!), которые (еще одно ощущение) не спят ни днем, ни ночью и вечно обвешаны самой передовой видеотехникой в мире, а также фирменными пакетами самых дорогих магазинов. Они не выпускают из рук карты Парижа и посреди Елисейских Полей непременно пристанут к вам с вежливыми поклонами и сдержанной мольбой указать, где здесь находится Мулен-Руж, на бульваре Клиши они ищут Вандомскую колонну, а в Тюильри придиричиво вглядываются в статуи, пытаясь выяснить, не эта ли нагая мраморная дама – бронзовый памятник знаменитому Анри IV?... Правда, Эйфелеву башню все туристы и даже японцы, как правило, находят самостоятельно. Наверное, потому, что она видна практически отовсюду, особенно с парижских мостов.

Ах да, так вот о мостах! Вернемся на один из них.

Итак, часом позже Фанни его ни за что не заметила бы в этом укромном уголке в самом начале Пон-Неф. Как раз там, где пешеходная дорожка сворачивает с набережной Лувра на мост, стоят на парапете два чугунных фонаря. Между ними – изгиб каменной ограды моста и полукруглая каменная скамья. Вот уже почти год, в любую погоду, каждое утро в шесть тридцать пять (ровно в шесть подъем, пятнадцать минут на торопливое умыванье и одеванье, двадцать минут трусцой от ее дома на углу рю де ла Бурз и рю де Колонн) Фанни замирает рядом с этой каменной скамьей и кладет руку на парапет. Он серо-белый и в мутном свете раннего утра кажется мертвенным, изрыт раковинками, оставленными временем и досужими прикосновениями все тех же туристов. Раковинки черные – Фанни повторяет про себя, что они

забиты не грязью, а пылью времен. Кстати, настоящий нормальный парижанин (если, конечно, он не историк и не поэт) такими высокопарностями не мыслит – метафора насчет пыли времен могла прийти в голову только туристу. Ну правильно, это были слова Лорана, которого, правда, трудно назвать туристом. Но и парижанином он не был. И никакой он был на самом деле не Лоран, это Фанни его так стала называть, чтобы не ломать язык на его невероятном, несусветном, варварском имени...

Они впервые встретились именно здесь, возле этой каменной скамьи, где сейчас стоял какой-то парень, перегнувшийся через парапет так низко, что Фанни видела только его туго обтянутый сизыми джинсами зад и ноги, казавшиеся чрезмерно длинными, потому что он приподнялся на цыпочках. Какое-то дурацкое мгновение Фанни верила, что это Лоран. Но нет, конечно: незнакомец был слишком худой, слишком мелкий. И у нее слезы подкатили к глазам – потому что этот щедедушный парень, нагло задравший свой зад над парапетом, занял ее святое, ее священное место, ее Мекку, куда она прибегала, словно смиренная паломница (если предположить, что паломницы, тем паче смиренные, способны бегать, а не брести, тащиться, влачиться... или что они там вообще делают в своем пути к святым местам), уже почти год в тщетной надежде вернуть невозвратимое.

Фанни и сама понимала, что надежда эта напрасна, глупа и смешна, однако ничего не могла с собой поделать. Отчего-то ей казалось, что если Лоран решит вернуться к ней, то не приедет в ее бистро, не позвонит, не подкараулит около дома, а однажды рано утром явится сюда, на Пон-Неф, и станет поджидать ее, опершись на серо-белый мертвенный парапет и поглядывая то на набережную Лувра, откуда должна появиться Фанни, то на другой конец моста, где голуби еще дремлют на голове, плечах и чрезмерно широком кружевном жабо зеленого, бронзового Анри IV (ну да, памятник ему находится именно здесь, на Пон-Неф, и бессмысленно искать его в любом другом месте, будь это даже сад Тюильри!).

Лоран придет именно сюда, потому что здесь, на этом самом месте, они с Фанни встретились год назад.

Вот таким же ранним февральским утром она стояла, низко перегнувшись через парапет, и смотрела на куклу, которую темно-зеленая вода Сены несла под мост. Кукла была роскошная – с распущенными темно-рыжими волосами, которые вились за нею наподобие водорослей, и в длинном белом платье. У нее было ярко намалеванное лицо с наивным, блаженным выражением, как будто ей страшно нравилось колыхаться в ледяной воде под бледным утренним полусветом, изливавшимся сквозь серые войлочные тучи. Откуда она тут могла взяться, интересно знать, если Сена пуста? Откуда свалилась? Нет в обозримом пространстве никакого суденышка, ни яхты, ни баржи, ни плавучего ресторанчика, и даже прогулочным катерам «Batobus» еще рано фланировать по Сене... К примеру, происходи дело в восемнадцатом веке, можно было бы подумать, что какая-нибудь отчаявшаяся узница (может быть, даже сама королева Мария-Антуанетта!) выбросила ее из окна Консьержери, чьи округлые башни, ныне объект туристических вздыханий, когда-то наводили трепет и ужас на парижан. Однако сейчас в Консьержери не тюрьма, а музей, и некому там швыряться куклами! Наверное, куклу уронили с какого-нибудь моста или с набережной... Хотя вообразить прохожего (даже туриста, даже японца!), который прогуливался бы с куклой в обнимку в шесть тридцать утра по мостам или набережным Парижа, а потом бросил ее в воду, словно совершил некое жертвоприношение... Жуть какая!

И впрямь, в этом зрелище – плывущая по Сене нарядная кукла с распущенными волосами – было нечто жуткое и в то же время завораживающее. До такой степени завораживающее, что Фанни не могла отвести взгляд от белой фигурки, которую течение затягивало все дальше и дальше под мост. И она наклонялась все ниже, провожая ее глазами, как будто для

нее было страшно важно увидеть, как кукла скроется под мостом: наткнется, к примеру, на каменную опору или проскользнет мимо.

Ну вот, значит, она наклонялась ниже и ниже, и вдруг ее кто-то ка-ак схватит сзади за бедра, ка-ак рванет назад, оттаскивая от парапета! Фанни взвизгнула, обернулась, даже размахнулась, чтобы дать пощечину обнаглевшему клошару. Отчего-то она вообразила, что на такую наглость способен только непроспавшийся клошар, поднявшийся с одной из многочисленных вентиляционных решеток, которые теперь все стали ночлежками клошаров, потому что оттуда веет теплым воздухом... Канули, канули в прошлое те времена, когда бездомная нация ночевала под мостами, стараясь не оскорблять взоров достопочтенных парижан живописным зрелищем своих лохмотьев... Однако Фанни увидела пред собой вовсе не клошара, а весьма тщательно одетого господина, который на дурном французском языке сказал:

– Извините, я испугался, что вы упадете прямо в воду.

На вид ему было лет сорок, а может, сорок пять. «Моложе меня», – привычно отметила Фанни и привычно огорчилась, что с некоторых пор все привлекательные мужчины вдруг делались моложе ее. Он был среднего роста, с темными волосами и холодноватыми серыми глазами (неотразимое сочетание для Фанни, которая терпеть не могла однообразия типа: светлые глаза – светлые волосы, темные глаза – темные волосы, прощая это последнее сочетание только самой себе), со свежим румяным лицом и не то смущенной, не то дерзкой улыбкой. Фанни мгновенно оценила элегантную куртку от «Барбери», распахнутую чрезмерно широко для столь сумрачного и столь раннего утра – с явным намерением продемонстрировать щеголеватый пуловер из настоящего кашемира... Бог знает отчего ей вспомнился ехидный диалог из Дюма: «На нем все новое, он одет с иголки... Вот именно, у этого господина такой вид, словно он впервые оделся!»

Оба они, Фанни и этот господин, спустя всего лишь год с небольшим станут сообщниками в убийстве, но пока, разумеется, они об этом даже не подозревают. Нет, непосредственно своих рук кровью они не озапят. Однако роли в предстоящей трагедии сыграют отнюдь не второстепенные, и если бы то убийство, которому еще предстоит совершиться, когда-нибудь стало предметом судебного разбирательства (а это не произойдет, оно так и останется нераскрытым), то и Фанни, и этот тщательно одетый сорокапятилетний господин были бы названы сообщниками убийцы и подстрекателями его. То есть тоже заслуживали бы наказания. Но их минует чаша сия...

Итак, Фанни вспомнила цитату из романа Александра Дюма-отца и невольно улыбнулась. И не выругалась незнакомцу в лицо (хотя она могла и умела ругаться так, что столбенели даже мужчины!), а сказала почти приветливо:

– Здесь довольно трудно упасть прямо в воду. Вот посмотрите – буквально на метр ниже парапета довольно широкий каменный выступ. Сначала свалишься на него и легко удержишься. Если, конечно, человек не пьян и у него нет особого желания покончить с собой.

– А у вас такого желания нет? – спросил мужчина с оттенком недоверчивости.

Фанни усмехнулась и подумала: «Ну и вопросик! Так я тебе и скажу!» И вдруг, совершенно неожиданно для самой себя, ответила с пугающей откровенностью:

– Вообще-то, и у меня возникает иногда такое желание. Как у всякого нормального человека, я полагаю. Правда, ко мне это желание приходит между четырьмя и пятью утра, когда я курю одна возле кухонного окна и с трудом удерживаю себя, чтобы не выкинуть во двор мой «Житан» и не броситься следом. Но сейчас-то уже седьмой час, время моих суицидальных помыслов осталось позади...

– Скажите, мадам, а что вас удерживает от того, чтобы не броситься вслед за сигаретой? – спросил мужчина на довольно неуклюжем (кажется, он иностранец), но порывистом француз-

ском. – Мысли о ваших детях, которым будет вас не хватать? О любимом мужчине? О родителях, которым нужна ваша забота?

Мгновение Фанни пристально смотрела на незнакомца, удивляясь жадному любопытству, которое прозвучало в его голосе, а потом подумала: «Дело нечисто! Кажется, одними разговорами мы не ограничимся, ой нет!»

– Скажите, – проговорила с той же серьезностью она и обхватила руками плечи, которые начало пробирать холодком (хоть Фанни и была одета в теплую фланелевую кофту с бодренькой надписью «Speed», но кофта годилась только для бодрой утренней пробежки, а вовсе не для стояния над Сеной промозглым февральским утром, когда столбик термометра едва поднялся выше пяти градусов), – скажите, мсье, а что заставляет вас задавать мне такие странные вопросы? Вы психолог? Вы занимаетесь проблемами суицида и вам нужны житейские примеры для научной работы?

Незнакомец помедлил, как бы мысленно переводя ее слова с французского на свой родной язык, и промолчал, со смущенной улыбкой лишь покачав головой.

– Или вы флик, который боится, что на его глазах может произойти такое нарушение закона республики, как самоубийство, и пытается предотвратить преступление?

Он снова помедлил, вникая в смысл ее слов, и опять покачал головой. И даже хмыкнул, подчеркивая нелепость такого предположения все так же молча.

– Или вы... – Фанни заглянула в его серые глаза и обнаружила, что они вовсе не такие уж холодные, как ей сначала показалось: на самом деле они были серо-голубые, ясные. Настолько ясные, что Фанни с легкостью смогла кое-что в них прочесть, поэтому она затаенно усмехнулась и решительно продолжила: – Или вы намерены таким образом выяснить, замужем ли я, сколько у меня детей и будет ли кто-то нам мешать, если я приглашу вас к себе?

Забавно было наблюдать за его лицом. Мгновение на нем еще оставалась приклеенной вежливая улыбка – маска, за которой совершался торопливый перевод. Но вот смысл слов Фанни дошел до незнакомца, и он оторопел... Однако Фанни сразу поняла: это вовсе не была оторопь отвращения. Да, сначала незнакомец растерялся от неожиданности, но через миг дерзкая (о да, на сей раз без сомнения дерзкая!) улыбка тронула его четко прорисованные губы:

– Ну да, вы угадали, мадам. Я именно это хотел узнать. Видите ли, я только недавно прилетел в Париж. Дела мои идут не так хорошо, как хотелось бы, и я чувствую себя невероятно одиноким...

Сначала он смотрел в глаза Фанни, а потом перевел взгляд на ее грудь, и она вдруг ощутила, как напряглись у нее соски. Тогда Фанни тоже перестала таращиться в его улыбочное лицо и перевела глаза туда, куда ужасно хотят, но стесняются посмотреть все приличные женщины. А поскольку Фанни вовсе не считала себя приличной женщиной, она решительно посмотрела на ширинку его джинсов.

О-очень интересная картина! Если соски Фанни вполне могли напрячься от холода, который пронизывал ее все сильнее, то вот эта выпуклость, видная меж полами щеголевато распахнутой куртки, вряд ли объяснима чем-то иным, кроме...

«Странный мужчина, – успела подумать Фанни, чувствуя, что у нее пересыхают губы. – Может быть, какой-нибудь маньяк? Надо отправить его к черту!»

Лучше бы она так и поступила! Ведь на его счету уже была одна смерть, хотя кое-кто был убежден, что даже две... Другое дело, что в этих смертях он был неповинен, вернее, в одной повинен лишь косвенно, а к другой вообще не имел никакого отношения, кроме того, что присвоил нечто, принадлежащее мертвому... Ну, так или иначе две чужие погибшие жизни влачили за его плечами, словно две черные неотступные тени, а скоро к ним прибавится и третья...

Итак, Фанни подумала, что не худо бы отправить этого легко возбудимого мужчину к черту. Но то был последний проблеск здравого смысла перед тем, как она влюбилась в него – так сказать, с первого взгляда.

Впрочем, она всегда влюблялась в своих мужчин с первого взгляда. В крайнем случае со второго – открыв затуманенные глаза после секса (если секс бывал удачен). Однако ничего подобного тому, что Фанни испытывала сейчас, с ней еще не происходило! Правда, она всегда пребывала в уверенности, что ничего подобного тому, что происходит в данный момент, с ней еще не происходило. Новое платье – всегда самое лучшее, это знает каждая женщина.

Лоран, это и был Лоран... Или не Лоран, какая разница! Фанни его так называла, чтобы не ломать язык на его настоящем имени, но все – все! – больше ей так называть некого. Его больше нет в жизни Фанни, она потеряла его по собственной дурости, потеряла меньше чем через полгода после того, как обрела, после того, как поверила, что может наконец-то стать счастливой. И вот с тех пор она каждый день продолжает прибегать по утрам на Пон-Неф, жадно отыскивая глазами широкоплечую фигуру, и темные волосы, и промельк улыбки в серо-голубых глазах, а не найдя Лорана, снова и снова приостанавливается около каменной скамьи, смотрит на зеленую воду Сены (в Сене всегда зеленая вода, зимой и летом, весной и осенью, в дождь и при солнце) и думает, что настанет, обязательно настанет наконец день, когда она или дождется здесь Лорана, или все же перегнется через парапет слишком сильно, так что носки ее кроссовок оторвутся от мостовой, и Фанни потеряет равновесие, перевернется вниз... Но она не даст своему телу задержаться на спасительном выступе, а скатится с него, рухнет в темно-зеленую стынью Сены, которая сразу отнимет у нее дыхание... а потом ее рыжие волосы и бледное лицо сведут с ума раннего прохожего, к примеру, туриста-японца, который будет тарашиться на нее с какого-нибудь другого моста, например, с Пон-дез-Арт или Пон-дю-Карусель, и думать, есть, мол, нечто жуткое и завораживающее в этой картине – утопленница, несомая течением...

Фанни передернула плечами, отгоняя привычно наваливающийся на нее утренний кошмар, еще раз негодующе взглянула на тщедушного наглеца в сизых джинсах, который занял священное для нее место, и совсем было собралась бежать дальше, так и не исполнив непременно утреннего ритуала, как вдруг заметила, что парень слишком уж перегнулся через парапет. Носки его кроссовок почти оторвались от мостовой, он вот-вот рухнет вниз.

И он склоняется еще сильнее! Он с ума сошел!

* * *

Валерий Сергеевич Константинов умер в ночь на понедельник, 31 января, на четырнадцатом месте четвертого купе шестого вагона скорого поезда «Нижегородец» сообщением Горький – Москва (несмотря на то, что Нижний Новгород давно обрел свое историческое название, железнодорожники упорно продолжают именовать его Горьким, то ли для скорости произношения и написания, то ли еще по каким-то своим тайным железнодорожным причинам). Смерть Константинова на первый взгляд выглядела вполне естественной – никаких следов насилия и прочего криминала: уснул человек и не проснулся. Тихая, милосердная смерть. Между нами говоря, кто из нормальных людей, срок земного бытия которых с каждым годом становится все короче, не мечтает о такой тихой смерти – конечно, желательно бы не в вагоне поезда, пусть даже скорого и даже сообщением Горький – Москва, а в собственной постели... но это уж кому как повезет. Можно было бы считать, что Константинову тоже повезло, хотя вроде бы рановато умирать пятидесятипятилетнему мужчине. С другой стороны, всякое бывает, и вообще, процент ранних смертей у мужчин куда выше, чем у женщин! Однако работникам милиции по долгу службы положено предполагать криминал даже там, где его нет и быть не может. Ведь Константинов вполне мог быть, например, отравлен. Конечно, вскрытие

покажет причину, но ситуацию однозначно делало подозрительной исчезновение попутчиков покойного.

Впрочем, в том, что на месте не оказалось двоих из них, ничего подозрительного не было: они сошли на своей станции в половине шестого утра. Копии проездных документов у проводницы сохранились: билеты ровно неделю тому назад приобрели супруги Шаповаловы, пенсионеры, решившие навестить внука, которому 31 января исполнялось восемнадцать. Конечно, вполне могло стать, что Шаповаловы нарочно подгадали поездку к тому времени, когда Валерий Константинов отправится по каким-то неведомым своим делам в Москву, и совершеннолетие внука было не более чем попыткой создать алиби, однако свои билеты они купили на два дня раньше, чем покойный Константинов. Купить билеты на два дня раньше и оказаться в одном купе с будущей жертвой – это устроить не так-то просто... Либо следует предположить участие в деле сообщника из числа железнодорожников, например билетной кассирши, либо такую степень совпадения случайностей, которой не отыщешь даже в романчике какой-нибудь дамы-детективщицы, самой пылкой любительницы невероятных совпадений.

Пожалуй, Шаповаловы как кандидаты на роль преступников отпадали изначально. Самое большее, на что они годились, – это быть свидетелями.

Вот только свидетелями чего?

Но пока бог с ними, с Шаповаловыми, тем паче что они ни в чем не повинны.

Гораздо больший интерес у дознавателей вызвала личность еще одного попутчика покойного Константинова – четвертого пассажира купе, ехавшего на шестнадцатом месте. Хотя бы потому, что эта самая личность оказалась неизвестна. То есть потом, после соответствующего запроса, из данных, сохранившихся в компьютере, выяснилось, что билет на данное место был продан некоему Ломакину А.Н. (номер паспорта такой-то, прописан в Нижнем Новгороде там-то). Учитывая, что Ломакин покупал билет почти одновременно с Константиновым и даже в одной кассе с ним, упомянутый гражданин вполне годился на роль объекта милицейских розысков. Однако вся странность состояла в том, что Ломакин на своем месте не ехал! То есть, когда поезд отошел от вокзала и проводница начала проверять билеты, оказалось, что пассажир не явился к отправлению.

Такое бывает. Например, опоздал. Или передумал ехать, а билет сдать не успел. Или потерял билет. Или вообще в больницу попал, уже не до билета стало, не до поездки и не до Москвы. Да умер, в конце концов!

Проводница Якушкина сообщила о наличии свободного места начальнику поезда, и тот решил осчастливить мужчину, который ворвался в поезд за несколько минут до отправления и принялся умолять начальника найти ему свободное местечко.

Такое бывает сплошь и рядом. Особенно по понедельникам. Особенно если понедельник приходится на тридцать первое число. В дни (вернее, ночи) таких поистине роковых совпадений второй, вечерний поезд из Нижнего в Москву, в народе по старинке именуемый «Ярмарка», хотя официально он зовется теперь как-то иначе, отчего-то не ходит. И вся нагрузка (а народу в Москву к понедельнику рвется чертова уйма!) ложится на бедный «Нижегородец», который тогда просто-таки трещит по швам. Начальники поездов пускают пассажиров даже на места 37 и 38, которые официально значатся местами для отдыха проводников! Как оформляются в этом случае проездные документы, знает всякий, кто хоть раз попадал в такую ситуацию. А вот какие суммы взимаются с желающих непременно добраться до Москвы – это остается красивой маленькой тайной начальника поезда и пассажира. С другой стороны, начальники называют конкретную стоимость билета, но ведь пассажиру нужен билет *любой ценой*, и он сулит, что *будет очень благодарен*...

Впрочем, сумма, которую заплатил за билет пассажир, оказавшийся соседом Валерия Константинова, в данной ситуации роли не играет. Гораздо важнее то, что начальник поезда, выписывая квитанцию, проставил только следующее: А.В. Ил..., не дописав почему-то фами-

лию и забыв про номер паспорта. Видимо, его что-то отвлекло. Оплотность, конечно, непротительная, необъяснимая, но ведь и на старуху (в данном случае – на старика) бывает проруха! К тому же этот А.В. Ил... мог оказаться вообще не причастен к внезапной смерти Константинова. Конечно, он не мог не заметить, что сосед слишком долго спит на своей четырнадцатой полке, но... мог и не заметить. Проводница Якушкина вспомнила, что А.В. Ил... тоже заспался: она дважды входила в темное купе и громогласно напоминала, что через несколько минут Москва, а пассажиры все никак не вставали (старинная страшилка насчет скорого закрытия туалетов больше не действует, ибо почти все вагоны фирменных поездов снабжены теперь биотуалетами, которыми можно пользоваться когда и где угодно). Наконец А.В. Ил... сорвался с полки, чуть приподнял штору, суматошно взгляделся в проплывающие за окном московские улицы, напялил джинсы и свитер, накинул куртку, нахлобучил шапку, выхватил из кармана отчаянно звонивший мобильник, схватил сумку, уронил ее, и из нее что-то выпало, какие-то вещи. Он принялся их собирать, однако ронял снова и снова. Проводница, снуя по коридору в последних предпроездных хлопотах (раздать, кому надо, квитанции на постель, собрать деньги за чай-кофе и все такое прочее), видела, как он ползает на коленках по полу, но в купе она больше не входила, во-первых, чтобы пассажиру не мешать, во-вторых, у нее и мысли не было, что второй пассажир не проснулся еще... и тем паче – что он вообще никогда больше не проснется!

Но вот А.В. Ил... вылетел в коридор, чуть не первым оказался у двери тамбура, которую проводница уже открывала (надвигался Курский вокзал), и она успела заметить, какой у него смешной, суматошный вид – в этой криво надетой куртке, с взъерошенными, непричесанными волосами. Ну да, он ведь даже не умылся, небось и биотуалет не успел посетить – то-то кубарем скатился со ступенек, то-то чесанул по платформе, едва только поезд остановился, даже не буркнув: «Спасибодосвида...», – наверняка торопился в вокзальный туалет! И при этом он еще по телефону умудрялся разговаривать!

Проводница Якушкина немедленно забыла про А.В. Ил... Но не навсегда, а конкретно до того времени, как ее начали допрашивать органы дознания на предмет обнаружения на четырнадцатом месте четвертого купе шестого вагона фирменного скорого поезда «Нижегородец» сообщением Горький – Москва внезапно скончавшегося гражданина. Его билет так и лежал на столике в купе, и это значительно облегчило процедуру установления личности покойного.

Личности же попутчиков Константинова стали особенно интересны следствию немедленно после того, как на вскрытии выяснилось, что смерть Константинова приключилась от инсулиновой комы.

* * *

Не думая, что делает, повинувшись невольному побуждению, Фанни метнулась вперед, схватила парня за бедра и сильно рванула на себя – так сильно, что едва не завалилась вместе с ним на спину. И тотчас разжала руки, потому что схватила она его очень неудачно – а может, и удачно, это как посмотреть. Словом, схватила она его за самое что ни на есть неприличное место!

Нечаянно, конечно...

Но он, кажется, так не думал. Ему удалось сохранить равновесие, отпрянуть и обернуться с выражением такого яростного негодования на лице, что Фанни вскинула руки, защищаясь (ну да, судя по его виду, он готов был дать ей пощечину, решив, конечно, что она какая-то маньячка, которая посягнула на его честь, а может быть, и девственность!), и выпалила:

– Извините, но я испугалась, что вы упадете прямо в воду.

И у нее пересохло в горле от этих слов, которые когда-то сказал ей Лоран.

Фанни ничуть не удивилась бы, если бы сегодняшней молодой придурок буквально повторил ее собственный прошлогодний ответ, потому что в жизни гораздо больше странных и невероятных совпадений, чем нам кажется. Однако он не стал рассуждать о каменном выступе, с которого можно скатиться лишь при желании, а поддержал джинсы и буркнул:

– Ну и что, а вам какое дело?

По-французски он говорил плохо, с сильным акцентом. Смотрел на Фанни люто, недоверчиво, предостерегающе, словно боялся, что незнакомая баба вот-вот снова кинется его лапать.

Идиот! Нужен он ей! Ей нужен совсем другой!

– Вы правы, – согласилась Фанни, – мне до вас нет никакого дела. Поэтому я бегу дальше, а вы продолжайте начатое.

И она развернулась было и даже сделала первый шаг, когда он тихо сказал:

– Зачем, зачем вы мне помешали? Думаете, мне легко было решиться прийти сюда? Думаете, это легко – решиться умереть?

У него прервался голос. Он нервно вздохнул, провел рукой по глазам и укоризненно уставился на Фанни.

И ей стало так стыдно за эту удавшуюся попытку спасения человеческой жизни, как не было стыдно никогда и ничего в жизни.

Ну-ну, не стоит огорчаться, совсем скоро она станет одной из соучастниц убийства этого человека... пусть косвенной, пусть невольной, но все же соучастницей – и таким образом исправит ошибку, которую совершила на мосту, удержав его от самоубийства... которого, кстати сказать, он и не собирался совершать... Но Фанни, к своему счастью, об этом никогда не узнает...

Короче, необъяснимым стыдом Фанни словно бы пригвоздило к земле. Она просто сдвинуться с места не могла – стояла и разглядывала этого мальчишку с мокрыми ресницами.

Ну да, он был совсем мальчишка. Самое большее – лет двадцати пяти, от силы – двадцати шести! Некоторые считают этот возраст уже весьма солидным – например, шестнадцатилетние девчонки так думают, но женщины, как принято выражаться, «под пятьдесят» (говорится – *под*, но на самом-то деле, как правило, *за*) заслуженно полагают желторотыми юнцами парней в два раза себя моложе. У некоторых при виде таких юнцов пробуждается материнский инстинкт. У некоторых же оживают инстинкты прямо противоположного рода, и до добра это женщину не доводит.

Честно говоря, Фанни не знала, к какому типу женщин она принадлежит, потому что мужчины младше тридцати пяти лет раньше не вызывали у нее вообще никаких эмоций. Они существовали где-то вне ее мира. Она их, строго говоря, не замечала, даже когда вынужденно общалась, обслуживая в бистро, или здороваясь на лестнице, или сталкиваясь на улице. Дети – фиксировала она безотчетно. Детей она не слишком-то любила и не обращала на них внимания. Не обратила бы и на этого «ребенка» – попадись он ей часом позже и в другом месте. Но он стоял в половине седьмого на Пон-Неф...

«Красивый мальчик», – подумала Фанни.

Ну и что?

Красивых мальчиков в Париже много. Очень много (значительно больше, между нами говоря, чем красивых девочек), просто глаза разбегаются! Беленьких, черненьких, всяческих. Встречаются и вот такого же горячего, не то чуточку испанского, не то малость итальянского, а может, даже самую капельку и мавританского типа. Как выражались в старину, а теперь, конечно, сказали бы – арабского, однако истинные, подлинные, коренные парижане-французы, хоть и выставляют себя демократами, отдавая дань приличиям, в глубине души считают, что Ле

Пэн где-то прав, а потому предпочитают изысканные эвфемизмы. Да, эти красавцы мавританского, стало быть, типа, достойные кисти, условно говоря, Веласкеса или резца Микеланджело, бродят по улицам, сверкая потрясающими глазищами, поражая совершенством смугловатых лиц, эротичным телосложением, и искательно улыбаются, заглядывая в глаза встречных женщин (или мужчин – нужное подчеркнуть).

Впрочем, этот мальчишка с моста Пон-Неф искательно не смотрел и вовсе не был смуглым.

У него оказались мраморно-белая кожа и чудесный высокий лоб. Четкий правильный нос, небольшой, горестно стиснутый рот. Почти классические черты, которые самую чуточку портил слабый подбородок. А может быть, наоборот – вовсе и не портил, а лишь придавал тот оттенок несовершенства, который и делал лицо «ребенка» не просто тривиально красивым, а таким, от которого не хотелось отводить взгляд.

Ну вот Фанни и не отводила...

Он был темноволосый и темноглазый, но на сей раз это сочетание отчего-то не показалось Фанни однообразным и приевшимся. Глаза у него были особенно хороши: не черные, а цвета горького шоколада, яркие, с томными веками, похожими на голубиные крылышки. Верхние веки были коричневые, воспаленные то ли бессонницей, то ли слезами, а под нижними залегли глубокие черные тени. Он был небрит, губы запеклись. Давно не стриженные волосы разметало ветром, они вились небрежными кольцами и падали ему на глаза, мешали смотреть, поэтому он иногда раздраженно взмахивал головой, отбрасывая их, и при этом движении мгновенной трагической гримасой искажалось лицо и напрягалась шея, видная из ворота свитера.

Этот воротник-хомут изрядно натер ее – видна была красная полоса, и Фанни подумала, что мальчишка похож на щенка, которому удалось сбросить ошейник и убежать из дому, но в этой погоне за неведомой свободой он заблудился, потерялся и не знает, что теперь делать... Ну да, у него был отчаянный, потерянный, щенячий вид... невыносимо трогательный!

«Я его где-то видела. Я его уже видела раньше! – мельком подумала Фанни, а потом тихо ахнула: – Пресвятая Дева, а что, если у него красная полоса на шее вовсе не из-за грубого свитера, а из-за какой-нибудь веревки, на которой он пытался удавиться?!»

Ветер смел со лба мальчишки темные пряди, и Фанни увидела, что этот высокий бледный лоб покрыт испариной.

«Он болен? У него жар?»

– Чего вы на меня так уставились? – грубо спросил мальчишка, и Фанни уронила руку, которая уже потянулась отереть ему лоб и заодно проверить, какова температура, тем извечным, заботливым, *материнским* движением, которого Фанни не делала никогда в жизни, потому что никогда в жизни не заботилась ни о ком, кроме себя, а детей у нее не было.

Ну да, она их не любила и просто не замечала... раньше.

А мальчишка прав, она смотрит на него слишком пристально и, наверное, слишком долго.

– Извините, – небрежно пожала плечами Фанни, скрывая внезапное смущение и мельком изумляясь, что так сильно смутилась. – Я просто подумала, почему вы, такой молодой и красивый, вдруг решили... – Она кивком указала на Сену. – Мне не хочется говорить банальностей, но, знаете, они спасительны именно тем, что удивительно верны. И когда говорят, что все проходит, это в самом деле так. Все проходит! Даже если ваше сердце сейчас кажется разорванным любовью, поверьте мне, пройдет и это.

«Слепой ведет слепого!» – подумала она с мрачным юмором, вспомнив свои мысли не более чем пятиминутной давности, и вдруг ощутила дрожь при мысли, как холодна и мучительна вода в Сене, как ей не хочется туда... Да, ей не хочется умирать даже из-за Лорана! И как хорошо, что удалось удержать этого мальчика! Теперь главное – успокоить его, уговорить, чтобы ему и в голову не пришло повторить страшную попытку.

Почему и в какую минуту именно это стало главным для нее, Фанни задумываться не стала.

Какая жалость, бог ты мой, ну какая жалость, что меньше чем через три месяца ему суждено умереть, этому мальчишке, который самонадеянно считал себя записным пожирателем женских сердец, а оказался всего лишь игрушкой трех изоциренных красавиц... Да, жаль, что жизнь его оборвется... А впрочем, если закон гласит, что всякое преступление должно быть наказуемо, то он всего лишь получит по справедливости за то, что совершил примерно год назад в другой стране... как ни странно, законы той безумной страны тоже гласят, что за преступлением должно следовать наказание...

Но разве не странно, что в обеих этих странах его собственный убийца останется безнаказанным? Безнаказанным и неузнанным. И даже не будет мучиться угрызениями совести, которые, как уверяют мудрецы, куда страшнее всех кар и пыток, придуманных людьми.

То есть мудрецы в очередной раз вынуждены будут развести руками и смириться с собственной глупостью...

Итак, Фанни не стала задумываться над тем, какого черта жизнь этого случайно встреченного незнакомца вдруг стала для нее столь важной, а торопливо продолжила свою деятельность по спасению утопающих:

– Я понимаю, вам сейчас кажется, что лучше вашей девушки нет на свете, что в ней для вас сосредоточен весь мир, но если вы посмотрите вокруг...

Тут Фанни осеклась, вдруг сообразив, что у нее как-то неловко выходит: в обозримом пространстве не имелось на данный момент не только ни одной девушки, но и вообще ни одной особы женского пола, кроме худощавой брюнетки в серой фланелевой кофте с надписью «Speed» и «велосипедках» цвета бордо, то есть самой Фанни. Еще решит парень, что она предлагает ему себя! Может быть, и не фыркнет ей в лицо, но в глубине души непременно...

У Фанни почему-то стиснуло горло, и она подавилась всеми теми спасительными банальностями, которые еще собиралась изречь.

– Да при чем тут девушка? – фыркнул мальчишка, сунув было руки в карманы своей короткой потертой рыжей куртки, но карманы эти были чем-то так туго набиты, что даже отвисали, руки туда не вмещались, и он оставил эту затею. – Вы что, думаете, смысл жизни только в девушках?

«Пресвятая Дева! – испуганно подумала Фанни. – Да неужели этот красавчик – пидермон?!»

Впрочем, она ошиблась, как немедленно выяснилось.

– Да вы не то подумали, – сердито сказал мальчик, правильно истолковав мгновенное выражение ужаса, промелькнувшее на лице Фанни. – Нет, ну до чего же вы все однообразны! Как будто на свете только и есть, что трахаться или не трахаться с женщиной или с мужчиной, как будто больше ни из-за чего не может осточертеть жить!

– Вообще-то я говорила не о сексе, а о любви... – заикнулась Фанни, и мальчишка снова откинул со лба волосы этим раздраженным движением, от которого у нее защемило сердце.

– Да какая разница? – грубо оборвал ее он. – Не только в сексе или даже в любви смысл жизни. Просто все так для меня сошлось – невыносимо, понимаете? Невозможно больше терпеть! Думаете, легко было решиться? Я хотел, чтобы все кончилось, а тут вас черт принес. Теперь я не смогу, не потому, что страшно, а потому, что снова буду думать о матери, как она это переживет и как будет искать меня по моргам и больницам, а я буду лежать под этим мостом... Видите, я нарочно набил карманы камнями, чтобы меня не унесло течением, чтобы остаться под этим мостом, чтобы меня когда-нибудь нашли и она могла меня похоронить!

И он тряхнул полами куртки – из карманов и впрямь посыпались камни. Мальчишка наклонился, чтобы подобрать их и снова сунуть в карманы, но Фанни вдруг принялась расшвыривать их в стороны носками кроссовок, бессвязно бормоча:

– Не надо... погоди... не надо... брось!

Сцена была дурацкая, и камни были дурацкие, слишком мелкие, легкие, им не в силах было бы противостоять стремительному подводному течению Сены. Тело мальчишки все равно выкинуло бы вверх, и оно поплыло бы под мостами, завораживающе мерцая сквозь зеленую воду этим бледным лбом, и черные волосы влачили бы за ним, словно невиданные водоросли...

Фанни, не выдержав этой воображаемой картины, вдруг закричала:

– Не надо! Прошу тебя!

Крик ее был так внезапен и страшен, что они оба оторопели и уставились в глаза друг другу.

Потом лицо его расплылось в глазах Фанни, и она услышала его жалобный, срывающийся – детский! – голос:

– Не надо, не плачьте, вы что?!

– Ничего, – сказала Фанни хрипло, с силой проводя рукой по лицу и сминая ресницы, – я не плачу, это просто ветер.

– А, ну да... – нерешительно согласился он и отвел было глаза, но тут же снова взглянул на Фанни чуть исподлобья, сквозь спутанные пряди волос.

Она не знала, не понимала, сколько прошло времени.

– Извините, – сказал наконец мальчик. – Я... извините, я у вас отнимаю время. Вам, наверное, пора? До свидания, спасибо большое!

Он протянул руку, и Фанни вложила в нее свою. Мальчишка тряхнул ее, легонько сжав, отпустил очень бережно, потом улыбнулся – ох, Пресвятая Дева, что же сделала с его лицом и глазами эта мгновенная улыбка, каким светом зажгла! – и ринулся прочь по мосту, канул где-то в переулках Сите, ни разу не оглянувшись.

Фанни точно знала, что он не оглянулся: ведь она смотрела ему вслед.

А вот чего она не знала, так это того, что на нее все это время тоже смотрели. Наблюдатель находился неподалеку, буквально в десятке метров: прятался между закрытых ларей, возле которых днем топчутся букинисты. Он вел себя очень осторожно, и Фанни даже не подозревала о его присутствии. Ему было видно все, хотя и не слышно, но по выражению лиц Фанни и этого спасенного ею юноши он вполне мог догадаться о смысле разговора.

Он всматривался и удовлетворенно кивал головой. Все шло по плану, все шло как надо! Дай бог, чтобы события так же развивались и впредь.

Наблюдавший за Фанни человек не последовал за ней, когда она наконец медленно пошла по мосту, а потом побежала по нему все быстрее и быстрее. Со стороны могло показаться, будто она решила догнать парня... может быть, провести с ним еще одну банальную душе-спасительную беседу... Однако наблюдатель знал, что таков маршрут обычной утренней пробежки Фанни: через Пон-Неф, потом по набережной Сите до Пон-Рояль, потом через Тюильри и Лувр на площадь Колетт, мимо Комеди Франсез на улицу Ришелье – и оттуда до улицы де ла Бурз, откуда всего несколько шагов до ее дома на углу рю де Колонн.

Этот человек хорошо знал маршрут Фанни, потому что следил за ней давно.

А вот чего он не знал, так это того, что за ним самим тоже кое-кто следил давно. А также и этим утром... этим сумрачным февральским утром, которое, впрочем, с каждой минутой становилось все яснее: на сегодня синоптики обещали некоторое потепление, а прогнозы парижских синоптиков всегда сбываются.

Или почти всегда.

* * *

Инсулиновая кома... Вообще-то правильнее ее называть гипогликемической, но это не суть важно. Так вот: инсулиновая, или гипогликемическая, кома – это такая штука, которая происходит с человеком внезапно, как бы ни с того ни с сего. К примеру, ваш попутчик в поезде вдруг начинает дрожать, потеет, у него кружится голова, все двоится в глазах, начинаются судороги, он теряет сознание... и, вполне может быть, умирает прямо на ваших глазах. Причем, даже если вы врач и распознали признаки, вы можете не суметь ничем больному помочь, настолько быстро развивается гипогликемическая кома – то есть внезапное, реактивное и очень значительное снижение глюкозы (сахара) в крови. Гипогликемия – это антипод диабета. Диабет лечат, как всем известно, с помощью инсулина, который именно что уменьшает содержание сахара в крови. Но если здоровому человеку, не диабету, сделать инъекцию инсулина (или ввести его критическую дозу каким-то другим способом), он запросто может умереть.

По какой причине это может быть сделано?

По небрежности медсестры, перепутавшей инсулин с другим препаратом (порою такие эпизоды происходят в лечебных учреждениях, другое дело, что они не афишируются, ну и слава богу, зачем народ зря пугать, меньше знаешь – лучше спишь); в случаях заболеваний эндокринной системы; у запойных после пика опьянения; при некоторых почечных болезнях... По многим довольно-таки причинам, короче говоря. И одна из них – прием сахароснижающих препаратов, особенно если у человека больны почки, печень или налицо сердечная недостаточность.

Константинову повезло (если, конечно, уместно говорить о везении по отношению к покойнику, труп которого находится на вскрытии): эксперт ему попался добросовестный, вдобавок – некогда работавший на «Скорой помощи» и случаев с диабетической и инсулиновой комой наглядевшийся. Поэтому он ее распознал, вернее, заподозрил, несмотря на то, что со времени смерти больного прошло семь часов.

Да-да! В первом часу ночи, сразу после отправления из Нижнего и проверки билетов, Константинов попросил у проводницы Якушкиной чаю. Это вызвало недовольное ворчание пассажиров Шаповаловых, которые уже намеревались лечь спать, и нескрываемую насмешку А.В. Ил..., который выразился в том смысле, что пить так поздно много жидкости – верный способ утром встать с мешками под глазами. Константинов холодно произнес, что он человек семейный, никого завлекать не собирается, а потому на мешки ему наплевать. Это адресовалось А.В. Ил..., ну а что касается Шаповаловых, то им Константинов сказал, что никому мешать не намерен, выпьет чайку в коридоре, не велика беда. Вы, мол, извините, грипп начинается, слабость какая-то... Выглядел он и впрямь бледно, утомленно. Шаповаловы устыдились, забежали-замекали, мол, ничего страшного, пейте свой чаек, не час же вы его будете пить, а всего-навсего минут пять-десять, от силы пятнадцать, потерпим... Однако Константинов все же вышел в коридор, и проводница уже там вручила ему стакан с чаем и кубики сахара. Положил ли Константинов сахар в чай или выкинул, она не знала: стакан был пассажиром сдан и вовремя проводницей Якушкиной вымыт. Но что Якушкина своими глазами видела и в чем клялась, это что Константинов запивал чаем какие-то таблетки, которых принял несколько штук.

Какие таблетки? Сие оставалось неведомым, потому что в карманах Константинова нашли только пустую упаковку от но-шпы. Да-да, подтвердила проводница Якушкина, таблетки были маленькие такие, на но-шпу очень похожие. Но ею отравиться никак нельзя. Да и сколько таблеток но-шпы принимают нормальные люди? Одну, две... ну, три при остром

спазме! Даже и десятком таблеток но-шпы невозможно отравиться, они не способны спровоцировать гипогликемическую кому. Эксперт после вскрытия настаивал, что Константинов принял хлорпропамид или какой-то его аналог. Как известно, хлорпропамид усиливает действие инсулина, отчего и применяется при сахарном диабете. Но у Константинова сахарного диабета не было – совершенно обратная картина!

При осмотре тела обнаружили также следы многочисленных внутривенных инъекций. Однако они явно не были свежими, и такое впечатление – прошло не меньше суток со времени последнего укола до момента смерти Константинова. Вводимый препарат установить не удалось. Так что внутривенное введение инсулина или, тем паче, хлорпропамида, которое могло спровоцировать мгновенную кому, тут явно ни при чем.

Похоже было, что загадочный А.В. Ил... не имел к смерти своего соседа никакого отношения. Тут ведь еще не с точки зрения чистой медицины можно посмотреть: сделать соседу смертельный укольчик, а потом спать с ним в одном купе, да еще и замешкаться с выходом... рискованно! Кроме того, очень уж случайно попал А.В. Ил... в четвертое купе. Вот явись на свое место Ломакин А.Н. – и вовек не оказался бы А.В. Ил... рядом с предполагаемой жертвой.

Так, может, никакая Константинов и не жертва? Может быть, и убийства-то никакого не было?

Может, и не было. Однако был труп, сделавшийся таковым по причинам все-таки не вполне естественным. Следствие продолжалось. Самой собой разумеется, оно не оставило своим вниманием и гражданина Ломакина А.Н. – того самого, на месте которого оказался в поезде неведомый А.В. Ил..., очень может быть, сыгравший каким-то образом роковую роль в жизни и смерти Валерия Константинова. Поскольку номер паспорта Ломакина был занесен в компьютер при продаже ему билета, нашли его в два счета, благо жил он в самом центре города, на Звездинке, в тех красных кирпичных высотках, которые «при советской власти» считались самым престижным жильем города (не считая, конечно, «сталинок» на улице Минина и на Верхне-Волжской набережной) и даже были прозваны «дворянским гнездом». Ну а теперь, когда понастроили там и сям всяческих «элиток», кирпичные высотки стали просто не слишком удобными, не слишком удачно спроектированными домами, ценными только потому, что находились в отличном районе, в самом центре *верхней* части *Нижнего* Новгорода (ну да, это город контрастов!).

Гражданина Ломакина явившиеся к нему милиционеры застали в горизонтальном положении и практически в бессознательном состоянии. Он лежал под капельницей. При нем находился врач, приятель Ломакина, делавший ему так называемое прокапывание – процедуру, хорошо известную алкоголикам, пытающимся прийти в себя после запоя. Да, увы, Ломакин оказался запойным алкоголиком, который очень часто, слишком часто оказывался в состоянии, весьма далеком от реальности. Сын некогда высокопоставленных родителей, он был обладателем недурной квартиры, в которой, правда, царили такой бедлам и бардак, что даже выдавшие виды дознаватели развели руками.

С допросом Ломакина пришлось подождать, пока он придет в себя и сможет соображать и более или менее связно выражать свои мысли. Время ожидания, впрочем, не прошло бесследно, потому что врач «Скорой помощи», вызванный Ломакиным в тот тяжкий миг, когда он почувствовал, что больше пить не может, а пережить последствия от действия ранее выпитого тоже не в силах, категорически подтвердил, что в течение прошедшей недели Ломакин никак не мог какое-либо преступление на гастролях совершить, так как находился в состоянии жестокого запоя. То есть если он и собирался поехать в Москву и даже если взял билет на поезд, то потом о своем намерении благополучно забыл.

Забыл, что характерно, очень прочно... Когда Ломакин очухался и стал худо-бедно отвечать на вопросы дознавателей, он вообще не мог взять в толк, о чем они говорят. Какая Москва?! Какие билеты?!

Его попросили предъявить паспорт. Ломакин, стая и держась за голову (кто *прокапывался* хоть раз в жизни, согласится, что несчастный совершал при этом поистине героические усилия!), попытался его отыскать. Однако не смог. Постепенно все в доме было подвергнуто тщательному осмотру. С помощью дознавателей, так что, можно сказать, весьма профессиональному осмотру. Паспорт исчез, как будто его и не было никогда!

– Где вы могли его потерять, гражданин Ломакин? – был задан резонный вопрос.

– Да где угодно, – последовал ответ.

– И давно вы им в последний раз пользовались?

– А черт его знает, не помню.

– А украсть его у вас кто-нибудь мог?

Пожимание плечами:

– Да кому он нужен?! Нет, вы посидите-ка, я еще поищу.

Паспорт так и не обнаружился.

Либо Ломакин врал, либо он забыл, что собирался в Москву и даже покупал билет, либо совершил это отнюдь не противоправное деяние в полной бессознанке. Либо, что гораздо более вероятно, кто-то нашел потерянный паспорт Ломакина и купил по нему билет до Москвы. Либо, что тоже вполне возможно, украл этот самый паспорт, чтобы купить билет до Москвы, чтобы оказаться в одном купе с Константиновым, чтобы...

Чтобы что? Принудить его выпить в ударном количестве хлорпропамид, дабы спровоцировать инсулиновую кому? Но ведь проводница Якушкина видела, что Константинов принимал «желтенькие таблеточки, похожие на но-шпу», стоя в полном одиночестве в коридоре вагона. Сам, по доброй воле. Ему не нужен был никакой «провокатор», скрывавшийся под личиной Ломакина А.В.

Тогда за каким чертом понадобился трюк с билетом?! Кому?!

Или исчезновение паспорта Ломакина, появление на его месте загадочного А.В. Ил... и смерть Константинова никак между собой не связаны? Или это просто случайности, сошедшиеся в одной точке времени и пространства?

В любом случае, чтобы хоть как-то докопаться до истины, следовало познакомиться с семьей покойного.

* * *

Человек, следивший за Фанни (ну, тот самый, за которым, в свою очередь, тоже кто-то следил, но он, конечно, об этом не знал, как не знала и Фанни, что за ней следят сразу двое!), дело свое делал тщательно и старательно, а потому не поленился встать на другое утро в половине шестого и через полчаса уже быть возле дома на углу рю де ла Бурз и рю де Колонн. Он занял привычное место под прикрытием деревьев, окруживших большущее здание, в котором помещается одно из отделений «Кредит Лионне», компания мобильной связи и еще бог знает что, и дождался появления Фанни. Этим утром человек следил за ней особенно внимательно и особенно – когда она приблизилась к Пон-Неф.

Итак, она взбежала на мост, остановилась, положила руку на парапет... Несколько раз прошлась туда-сюда, озираясь, словно высматривая кого-то. Конечно, может быть, она по-прежнему поджидала этого русского негодяя, который ее бросил, этого... Однако у наблюдателя были некоторые основания полагать, что Фанни высматривает кого-то другого. Наконец она пожалала плечами, словно укоряя себя за то, что ищет вчерашний день, и трусцой двинулась через мост – впрочем, медленнее, чем всегда, и беспрестанно поглядывая в сторону проулков, ведущих в глубину Сите. Миновав засиженного голубями короля Анри, она свернула в своем обычном направлении, по набережной Конти к Пон-Рояль, и тогда наблюдатель повернул обратно: дальнейшее ему было неинтересно.

На другой день повторилось то же самое. На третий день... На третий день Фанни пробежала мимо скамьи, двух фонарей и заветного кусочка парашюта (этой своей многомесячной Мекки), ни на миг не задержавшись, ни разу не оглянувшись, и наблюдатель понял, что настало, пожалуй, время переходить к следующему этапу поставленного им спектакля...

...который был задуман как трагедия, имеющая в финале злодейское убийство. Трагедией он и останется, однако финал несколько изменится, и жертвой падет совсем другой человек... Вот так уж сложатся обстоятельства!..

Фанни и сама не могла бы сказать, удивилась она или нет, когда вдруг подняла глаза от пачки счетов и увидела этого мальчишку. Он стоял к ней спиной, терзая рычаги изрядно уставшего от жизни игрового автомата под названием «Lucky Jack» и пытаясь заставить этого идиота-ковбоя выстрелом из непомерно большого «кольта» сбить перо с головы жуткого вождя, полинявшего от времени и козней белых. Если бы это случилось, выпал бы джекпот и играющий получил бы стакан пива, целую кучу жетончиков, скопившихся за день в ненасытном брюхе автомата, а также право одной бесплатной ежедневной игры хоть до скончания века – своего или же «Lucky Jack».

Фанни наблюдала за подобными попытками посрамить вождя Орлиное Перо вот уже, не соврасть, лет тридцать: с тех самых пор, как Поль-Валери, прежний хозяин бистро «Le Volontaire», купил этот игровой автомат и поставил его здесь, в углу, за вешалкой. Летом автомат был хорошо виден, а теперь, в феврале, вешалка топорщилась множеством навьюченных на нее курток и плащей, потому Фанни и не сразу увидела парня, хотя обычно краем глаза примечала всех вновь пришедших клиентов. Наверное, он появился, когда Фанни отходила на кухню, где опять разругались Симон и Симона, причем разругались так, что их крики-вопли сделались слышны в зале. Эти два повара «Le Volontaire» не выносили друг друга, даром что были тезки, а может быть, именно поэтому, и Фанни в который раз подумала, что больше терпеть их скандалы не хочет и кого-то из них придется уволить. Только вот кого? Симона или Симону?

С этой мыслью она прошла за свой столик, заваленный кипами счетов и стопками налоговых деклараций (Фанни не любила работать в директорском кабинетике, там было душно, скучно, там слишком многое напоминало о скандалах, которые всего лишь год назад устраивали ей племянники Поля-Валери, желавшие оспорить его завещание и заломившие непомерную цену, когда Фанни предложила выкупить бистро в свое полное владение), и села, устремив невидящий взгляд на бумаги. Потом она подняла глаза, окинула привычным взглядом зал, привычно возблагодарив Бога за то, что «Le Volontaire» все же достался ей, привычно улыбнулась бездельнику Арману, который привычно таранился на нее из-за своего столика, втиснутого между колонной и стойкой с моделью фрегата, на коем восемнадцатилетний маркиз Мари Жозеф Поль Лафайет некогда отправился добывать свободу американским поселенцам (а на самом-то деле этот приемный сын Джорджа Вашингтона импортировал разрушительные революционные идеи для любимой Франции!). Фрегат звался «Le Volontaire» и являлся, как любил говорить Поль-Валери, тотемом бистро.

Итак, Фанни улыбнулась бездельнику Арману, вид которого уже третий день наводил ее на какую-то странную мысль (мысль эта проскальзывала в сознании, однако Фанни никак не могла ее задержать), поморщилась от ржавого, утомленного скрипа «Lucky Jack» – и вдруг увидела около автомата рыжую потертую куртку и сизые джинсы, обтянувшие длинные ноги.

На воротник куртки небрежно падали темные спутанные волосы, и Фанни наконец-то сообразила, в чем там было дело с Арманом: он странным образом напоминал ей несостоявшегося самоубийцу с моста Пон-Неф. То-то лицо мальчишки тогда показалось ей чем-то знакомым! Не то чтобы они были настолько уж похожи с потасканным, прокурренным, изможден-

ным тридцатилетним Арманом, просто тип был один: оба среднего роста, худые, длинноногие, оба темноволосые, у обоих в лице что-то испанское, а может, итальянское, а может, и мавританское...

Арман, к слову, вот уже почти полгода изо дня в день таскался в «Le Volontaire» и с утра до вечера таращился на Фанни. Вместе с ним порою приходила большая светлая собака, похожая на ретривера, только более косматая, и тихо ложилась в укромном углу. Никто не знал, как ее зовут, Арман уверял, что она не имеет к нему никакого отношения, живет где-то неподалеку от его дома, а к нему взяла да и приبلудилась, и звал ее просто Шьен – «собака».¹ Шьен лежала в своем углу день-деньской, переводя взгляд с Армана на предмет его неустанного внимания – на Фанни. Когда Фанни уходила, исчезал и Арман вместе со своей собакой, поэтому бармен Сикстин и официантка Мао были убеждены, что бездельник Арман ходит в «Le Volontaire» вовсе не потому, что так уж обожает попивать день-деньской терпкий, кисловатый кир (каждая пятая рюмка за счет заведения!), сколько потому, что влюблен в мадам (да и Шьен, уверяли они, тоже питала к ней какие-то особые собачьи чувства). Какого мнения придерживались на сей счет Симон и Симона, Фанни не знала, потому что этих двоих ничто не интересовало, кроме выяснения собственных драгоценных отношений. Самой Фанни от всех этих предположений, так же как от пристального внимания Армана и Шьен, было ни жарко ни холодно. Она молодого человека, как принято выражаться, в упор не видела, улыбалась Арману совершенно автоматически, и только мысль о том, что он ей кого-то напоминает, заставила ее взглянуть на него лишние два или три раза за последние дни. Но едва она увидела сизые джинсы и рыжую куртку, как снова забыла об Армане и Шьен, потому что призналась себе: вчера она задержалась на мосту Пон-Неф лишь потому, что смутно надеялась увидеть там этого мальчишку, а сегодня пробежала мост не задерживаясь потому, что наказывала себя за эти глупые надежды. Еще более глупые, чем надежды на возвращение Лорана!

Разумная женщина, конечно, пожалала бы плечами и снова уткнулась в налоговую декларацию, которую никак не могла заполнить. Однако Фанни этого почему-то не сделала. Она выбралась из-за своего столика, втиснутого между мраморным умывальником конца XVIII века, служившим теперь стойкой для горшков с цикламенами, и любимой японской ширмой Поля-Валери (он превратил «Le Volontaire» в истинную лавку древностей, поэтому практически все столики здесь были между чем-нибудь *втиснуты*), и приблизилась к парню. Приблизилась и встала за его спиной, то косясь на его худые пальцы, тискавшие рычаги «Lucky Jack», то глядя на темные пряди волос, разметавшиеся по воротнику куртки.

Вождь Орлиное Перо с годами не утратил своей увертливости, даром что краска на нем облупилась, а столь же облупленный Счастливчик Джек так и не научился стрелять из своего дурацкого «кольта». Обычно его тупость быстро охлаждала даже самых азартных игроков. Однако, такое впечатление, на сей раз в учителя Джеку достался человек упорный. Можно было подумать, что парень решил отомстить Орлиному Перу за все индейское коварство, с которым сталкивались белые поселенцы в Америке. Он ничего не видел вокруг себя, тем паче Фанни, которая затаилась за его спиной. Монетки в десять, двадцать и пятьдесят евроантимов знай сыпались в суму ненасытного вождя, выстрелы грохотали, пули свистели, Джек промахивался снова, индеец победно мотал своим орлиным пером, мальчишка выгребал из карманов новые пригоршни монет... Ну да, из тех самых карманов, которые несколько дней назад были набиты камнями, заботливо припасенными несостоявшимся утопленником, а теперь оказались щедро набиты мелочью! Вот уж воистину – все проходит. Спасительная банальность, изреченная Фанни там, на мосту, в очередной раз подтвердилась!

Фанни не выдержала и рассмеялась.

Мальчишка глянул через плечо, буркнул:

¹ Le chien – собака (*франц.*).

– Бонжур! – и послал в голову Орлиного Пера еще одну пулю. Но через минуту резко обернулся и уставился на Фанни: – Это вы? Что вы здесь делаете?

Хороший вопрос! Ну и наглец!

– А ты? – в свою очередь, спросила Фанни, нарочно обращаясь к нему на «ты». – Ты что здесь делаешь?

Сегодня щеки его были выбриты, волосы старательно зачесаны назад. Щедро смазанные гелем, на глаза они не падали, и Фанни почему-то огорчилась.

«Раздумал топиться?» – хотела спросить она, однако благоразумно прикусила язычок, тем более что вид у парня был по-прежнему не ахти: чернота под глазами не поблекла, а щеки запали еще сильнее. Так что если он топиться даже и раздумал, то, пожалуй, ненадолго. Надо быть осторожней, не напоминать ему, а то еще ринется прямо отсюда к Сене, а там может не оказаться никого, кто схватит его за... Пардон, конечно!

– Что я здесь делаю? Играю, как видите, – пожал парень плечами. – Вот, я разбогател. – Он выгреб из кармана новую пригоршню. – Правда, вроде того солдата из сказки «Огниво», которому встретила собака, охранявшая сундук с медными деньгами. Но потом ему повезло и с серебром, и с золотом. Может, повезет и мне.

Фанни не поняла, о чем он говорит и что такое «Огниво». Какая-то анимашка диснеевская, что ли? Она не любила анимацию.

– Работу хорошую нашел? Но только где у нас платят евросантимами? Или милостыню просил?

Парень глянул косо и отпустил рычаги автомата.

«Сейчас обидится и уйдет! – подумала Фанни и с трудом подавила мгновенное желание схватить его за руку и удержать. И разозлилась на себя: – Дьяболо! Да мне-то что?! Пусть уходит, откуда пришел!»

Однако он смотрел без обиды и даже улыбнулся:

– Не просил, но это и правда милостыня. В тот же самый день, когда мы с вами встретились... Ну, вы помните, в каком я был состоянии...

«Ничего я не помню!» – хотела отрезать Фанни и уже заносчиво вскинула голову, однако промолчала, потому что не любила врать. Однако правду она сказать тоже не могла, поэтому сочла за благо ничего не говорить. Правда, теперь ее горделивое и независимое движение выглядело глупо, но, предположим, у нее вдруг заняла шея? Ой нет, шеи ноют только у старух, а какая же Фанни старуха?!

Она поспешно опустила голову.

– Ну вот, – продолжал мальчишка, даже не подозревая о сложных психологических мотивациях этих двух простых движений, – я бродил по улицам, потом пришел к какому-то собору... Знаете, к такому большому, белому, с двумя башнями и колокольной, там еще на крыше какие-то собачьи морды торчат во все стороны... И сел под стеночкой – устал до смерти.

Фанни уставилась на него во все глаза. Судя по всему, собор, где он «сел под стеночкой», звался всего-навсего Нотр-Дам, и до сего дня Фанни не могла себе представить человека, который не узнал бы его, даже если бы доселе ни разу не видел. Но вот, оказывается, такой человек существует и даже стоит перед Фанни!

Жан-простак! А интересно, как его зовут на самом деле? И зачем он побрился?

Ну и вопрос! Все мужчины бреются. Даже бездельник Арман, неряшливей которого Фанни в жизни людей не видела. Но этот мальчишка побрился все же зря.

– Сел и заснул, – продолжал он доверчиво. – Ночь-то я не спал, и до этого тоже, поэтому уснул крепко. А когда проснулся – кругом народу тьма, все с фотоаппаратами. Туристы, я так понимаю. Особенно жапонов много было. Галдят, входят в этот собор, выходят, и все мимо меня, и буквально каждый – ну, если не каждый, то через одного – бросал около меня монетку.

Я когда глаза открыл, подумал, что все еще сплю, столько вокруг меня медяшек валялось. Может, они подумали, что я какая-то местная достопримечательность? Новый Квазимодо?

И засмеялся, глядя на Фанни, которая, чего греха таить, едва удержалась, чтобы не употребить одно из тех словечек, которые и мужчинам-то не рекомендуется вслух произносить, а тем паче – дамам. Вот тебе и Жан-простак! Да... Но зачем он так зализал волосы? Растрепанные пряди шли ему гораздо больше.

Фанни представила, как он сидел «под стеночкой» Нотр-Дам: волосы падают на лоб, щеки небриты, под глазами чернота, и запекшиеся губы приоткрыты во сне... Жаль, что эти глазищи были закрыты, не то небось нашлись бы дамы, которые бросали бы ему не монеты, а купюры, и даже не самые мелкие!

– Я сначала их посчитать хотел, эти денежки, а потом со счета сбился, – болтал между тем мальчишка. – Думал пойти в какой-нибудь маркет, сдать, чтобы кассирша их на бумажки обменяла, тут небось евро десять или даже двадцать наберется. А потом вспомнил, что я один раз видел такое в России: пришел в магазин какой-то бомж замусоленный и сдал кучу мелочи, которую ему добрые люди подавали. Потом пошел и чебурек себе купил на улице, я видел. Ну, и подумал: что же я, как этот бомж, пойду и куплю себе чебурек?! И не стал сдавать.

Видел такое в России, он сказал? Он что, из России?! Этого только не хватало!

– Ты русский? – спросила Фанни хрипло.

– Ну да, а что? – Парень независимо вскинул голову, и стало ясно, что не так уж сильно зализаны у него волосы: несколько прядей упали-таки на лоб, и он отмахнул их новым, еще более независимым движением. – Вы имеете что-то против русских? Судьба несчастных чеченé спать не дает, что ли?

На чеченé, как несчастных, так и счастливых, Фанни было стопроцентно наплевать, тем паче что президент Буш, такое впечатление, решил всех их пригреть под своим широким американским крылом. А что касается русских, она к ним еще год назад вообще никак не относилась. Однако с тех самых пор при слове «Россия» ее словно бы иголками колют в нервные сплетения – причем во все сразу! Потому что Лоран был русский... и этот мальчишка – тоже.

Еще один русский на голову Фанни!

А собственно, почему – на голову? Какое ей вообще до него дело? И не слишком ли долго она с ним болтает в разгар рабочего дня? Там, на столике, нетерпеливо шелестит целая пачка бумаг! А Фанни, между прочим, сегодня закрывать быстро, а потом, поздним вечером, еще ехать в пятый аррондисман² на рю де Валанс, взять у тетушки Изабо рецепт, чтобы завтра привезти ей новые лекарства от ее неумолимого артроза. Надо сказать этому мальчишке: «Чао!» – и пойти заняться своими делами. Нет, вообще ничего не нужно ему говорить, много чести!

– Тебя как зовут? – спросила Фанни.

– Роман. Роман Константинов.

Хорошее имя. Его легко произносить. А она-то думала, что у всех русских имена и фамилии такие, что язык сломаешь! Например, Ил-ла-ри... нет, не выговорить. Лоран, Лоран...

– Роман, – повторила она. – Роман, Роман...

И, пробормотав почему-то: *bon journée*, удачного дня, вместо более естественного сейчас *bon soirée*, удачного вечера, Фанни поспешно отошла к своему столику, села и принялась нажимать на кнопки старенького, еще Полю-Валери принадлежавшего, калькулятора с незнакомым себе и этой заслуженной машинке ожесточением. Калькулятор тихонечко поскрипывал, словно постанывал, мучился, но терпел. А что ему еще оставалось делать? Если бы он позволил себе проявить характер и допустил оплошность, его просто-напросто выкинули бы в мусорку, как повывкидывали уже многих его собратьев 1980 года выпуска и даже более молодых! Ему еще повезло, что его хозяйка – сентиментальная дурочка, которая живет больше воспомина-

---

² L'arrondissement – округ, район (франц.).

ниями, чем реальностью (ну да, это Поль-Валери когда-то так называл Фанни, а калькулятор слышал и все мотал на свой седой электронный ус).

Калькулятор, значит, поскрипывал, мазила Джек стрелял и стрелял... звуки этих выстрелов Фанни слышала, слышала, слышала... потом вдруг раз оказалось, что в бистро полная тишина. Нет, конечно, по-прежнему стучали бильярдные шары, и звенели стаканы, и болтал телевизор, и Мао вызывающе похохатывала, крутя попкой между столиками, и ругался бездельник Арман, которого уговаривал сменить кир на порто пидермон Мэтью из страхового агентства «Кураж», расположенного неподалеку. Ага, значит, уже около шести, если появился этот старый потаскун, который после работы обходит все окрестные бистро в надежде подцепить дружка на ночь, а «Le Volontaire» первый в этом ряду, и Мэтью ходит сюда, как нанятый, хотя Фанни ни разу не видела, чтобы ему повезло с Арманом или с кем-то другим... Впрочем, Поль-Валери уверял, что когда-то такое однажды, давным-давно, когда Мэтью еще не красил волосы в рыжий цвет, а носил свои, натуральные, пегие, такое все же случилось, после чего Мэтью месяц не показывался ни в «Le Volontaire», ни в других бистро, ни даже на работе, а лежал в госпитале Святой Анны с ножевым ранением... Потом появился-таки снова, и Поль-Валери, даром что пидермонов презирал и славился как первый бабник Парижа – в молодости, конечно, а впрочем, он и в свои шестьдесят семь, прежде, чем его свалили в гроб инфаркт на пару с инсультом, норовил задрать всякую встречную юбчонку, – преподнес Мэтью за счет заведения рюмочку его любимого порто... Телевизор стрекотал суетливым женским голосом, пророча на завтра по всей Франции хорошую, ну очень хорошую, хотя в некоторых районах плохую, ну очень плохую погоду; около музыкального автомата кто-то перебирал старые (вечные!) песенки Джонни Холлидея и Сильви Вартанс (куплет его, куплет ее), словно они снова были вместе, как тогда, в 60-е, когда эти песенки свели с ума Поля-Валери, который и заполнил ими свой музыкальный автомат. Две девицы из ближнего отделения банка «BNP» взахлеб обсуждали над тарталетками с малиной предстоящую свадьбу какой-то Лии с каким-то Оливье (ну и дурак он, получше не мог найти, что ли?!) и сетовали, что придется раскошелиться на подарок (да мне для этой Лии даже евросантима жалко, а ведь не обойтись меньше чем сотней евро... это чуть не семьсот франков на старые деньги, с ума сойти!). Седой красивый мсье Валуа, торговец картинами, обвораживал какую-то толстую даму с испуганными коровьими глазами, которая, судя по всему, в жизни не слышала ни о каком Фудзите, этюд которого так расхваливал ей Валуа, и никак не могла взять в толк, почему этот мсье называет великим французским художником какого-то японца, а может быть, дама испугалась цены, потому что Валуа был известен среди местных антикваров и маршанов своим умением задирать цены так высоко, что выше просто некуда. Сильно хлопала дверь из кухни, когда оттуда выглядывали Симон или Симона (без разницы, оба одинаково надутые), передавая бармену или официантке заказанные блюда... Посторонний человек сказал бы, что в «Le Volontaire» оглохнуть можно, так здесь шумно, однако Фанни почудилось, что наступила глухая, унылая тишина, потому что она больше не слышала выстрелов «Lucky Jack».

Обернулась – и не поверила своим глазам.

Вот это да! Орлиное перо валялось у ног посрамленного вождя, Джек с законной гордостью сушил в улыбке зубы. Однако победителя около автомата не было.

Фанни повернулась к стойке – может быть, Роман попивает там свое законно выигранное пиво?

Однако его не оказалось и там. Она уже приподнялась было, чтобы окликнуть Сикстина и спросить, выплачивал ли он выигрыш грозе индейцев, как вдруг перехватила насмешливый взгляд Армана и снова плюхнулась на стул, потирая шею.

Ну да, ныла шея, ныла, Фанни пришлось это признать. Будь тебе даже всего лишь двадцать два, а не на тридцать лет больше, заночует она, если ты просидишь день-деньской, склонившись над этими проклятыми счетами и отчетами! И глаза заболят, так что придется достать

из сумки очки, надеваемые только в самых критических случаях. Ну почему бланки налоговых деклараций во Франции печатают таким мелким шрифтом? И, такое впечатление, он с каждым годом становится все мельче!

А кстати... Почему Арман так странно смотрел на Фанни? Что его развеселило, интересно знать?

И почему у нее такое странное чувство, будто ей что-то нужно было спросить у Романа? Что-то бесконечно важное, а она не успела...

Да что там могло быть уж такого важного? Разве ей не наплевать на этого русского?

Наверное, да. Наплевать. А как же иначе?! И вообще, она его больше никогда не увидит. Или увидит?

* * *

Итак, семья покойного Константинова...

Валерий Сергеевич был дважды женат и имел от первого брака сына. Мать этого сына, бывшая жена Константинова, Галина Ивановна, работала медицинской сестрой в психиатрической лечебнице на улице Ульянова в Нижнем Новгороде. Двадцатипятилетний сын Роман был тренером по аэробике и танцам в спортивном клубе «Латина». С этой семьей Константинов прожил восемнадцать лет, потом с женой развелся и сошелся с Эммой Петровной Шестаковой, преподавательницей французского языка на подготовительном факультете Лингвистического университета.

Против обывательских ожиданий, Эмма Петровна вовсе не принадлежала к когорте юных красоток, при виде которых общеизвестный бес тычет под ребро не слишком-то молодого мужчину и вводит его во грех, заставляя бросать старую жену ради новой. Она была всего на два года младше первой жены Константинова и на три – его самого. Впрочем, Константинову, видимо, не хотелось обременять себя новыми формальностями, да и Эмма Петровна не слишком мечтала о печати в паспорте, поэтому жили они в гражданском браке. Между прочим, маленькая деталь: раньше Эмма Петровна была дружна с Галиной Ивановной, и, таким образом, получалось, что она увела мужа у своей подруги. Что характерно, их отношений это не больно-то испортило, они подолгу болтали по телефону, а иногда даже ходили вдвоем в театры, или в кино, или на какие-нибудь вернисажи, которые Эмма Петровна обожала. Кроме того, она была дама спортивная, за собой очень следила и даже делала попытки заставить Галину бегать по утрам, записаться в тренажерный зал, ходить на аэробику (сын-то преподаватель, вроде бы сам бог велел!), на шейпинг или, наконец, на восточные танцы, сейчас такие модные и для женского здоровья, говорят, очень полезные. Сама Эмма успевала и там и сям, однако Галина Ивановна не относилась к числу тех несчастных женщин, духовный возраст которых резко отстает от физического, а потому предпочитала спокойно, тихо, мирно, естественно увядать, а не носиться в семь утра по Откоосу над Волгой в погоне за неуклонно убегающей молодостью и не хотела трясти животиком (тем паче что животик у нее был довольно-таки внушительный, не то что у стройной, подтянутой, тренированной Эммы!), изображая какую-нибудь там перезрелую красу гарема. Ну что ж, может, оно и верно, потому что блажен, кто *смолоду* был молод... А впрочем – каждому свое!

Роман Константинов хорошо относился к мачехе, отца уходом из семьи не попрекал и, по всему, уважал его право на личную жизнь и даже на любовь. В конце-то концов, ведь сошелся Валерий Сергеевич с Эммой по внезапно вспыхнувшей обоюдной любви! Правда, любовь со временем подостыла, брак их, пусть и гражданский, оказался не слишком крепок: пожив сначала вместе, на квартире у Эммы, Константинов и Шестакова за полгода до его смерти решили разъехаться и жить врозь, хоть и продолжали видеться. Однако и в первую семью Валерий Сергеевич не вернулся. Он купил себе жилье в том же доме, где была квартира Шестаковой (это

как раз на углу Республиканской и Ижорской, совсем рядом с военным госпиталем и областной военной прокуратурой, напротив популярного магазинчика «Перекресток» с одной стороны и парикмахерской «Чародейка» с другой), и поселился там. Причем расстались Константинов и Шестакова не потому, что крепко поссорились: просто, по словам Эммы Петровны, они сошлись уже слишком взрослыми, пожившими людьми, каждый «с набором своих причуд» (ее собственные слова, зафиксированные в протоколе следствия), а потому поняли, что мирно сосуществовать эти самые причуды вряд ли смогут. И чтобы не доводить дело до войны, жили теперь врозь, встречаясь лишь для приятностей взаимной любви.

Константинов был человек зажиточный, хотя и не бог весть какой богатый: он имел небольшую книготорговую фирму, которая пробавлялась также продажей компакт-дисков – преимущественно левака, само собой, но это к нашей истории отношения не имеет. А впрочем, у Константинова вполне могли бы возникнуть трения с налоговиками, если бы у кого-то из них возникло элементарное желание сопоставить доходы от официально декларируемой деятельности фирмы с расходами ее владельца. Все-таки трехкомнатную квартиру в центре Нижнего за гроши не купишь. Да и обставить ее антикварной мебелью не слишком дешево стоит. Константинов же был любителем антиквариата и завсегдатаем немногочисленных салонов Нижнего Новгорода, но чаще ездил в Москву, откуда привозил разные предметы старины. В очередной такой вояж он и собрался в роковой для него вечер 31 января.

Эмма Петровна бывшего мужа (или сожителя, выражаясь языком милицейского протокола) не провожала: подхватила грипп и лежала в постели. Она и с дознавателем-то разговаривала, еле живая от температуры и нервного потрясения. Вообще на людей, окружавших Константинова, ныне покойного, случившееся с ним несчастье набросило странную, трагическую тень... Про Эмму Петровну уже сказано. Однако грипп – дело вполне житейское. С сыном же Константинова, Романом, приключилась история покруче.

Оказывается, Роман собирался проводить отца в поездку: тот просил дать ему почитать модную книжку «Код да Винчи», которую Роман недавно купил. В фирме Константинова этой книги не имелось – для его постоянных клиентов она оказалась бы дороговатой. Все-таки мировой бестселлер, если верить прессе. Книжка модная, прочитать ее непременно следовало всякому, кто хочет считать себя поистине интеллигентным и т. д. и т. п. человеком, вот Валерий Сергеевич и попросил сына принести ему роман, чтобы взять в дорогу. Однако заехать к отцу домой Роман не успел – у него поздно заканчивались тренировки в клубе, да и еще какие-то дела его задержали. Но не исполнить просьбу отца он не мог, а потому глубоким уже вечером сунул книжку в рюкзачок, сел на маршрутку номер 5 (первая семья Константинова обитала на проспекте Гагарина, неподалеку от университета) и поехал на вокзал, норовя успеть к отправлению поезда «Нижегородец».

На площади Горького в маршрутку ввалилась компания каких-то отморозков. Неподалеку от Романа сидела тихая, скромная девушка с нотной папкой, которая привела компанию в дикий, невероятный, безудержный восторг. Ну еще бы, кто нынче с нотными папками ходит?! Парни начали цепляться к папке и ее владелице, а поскольку манера выражаться у них была самая что ни на есть *прикольная* (кастрировать бы того, кто внедрил в нашу речь это словечко из лексикона одноклеточных!), девушка общаться с ними не пожелала. Тогда *пацаны* обиделись и стали у нее папку выдирать, девчонку лапать и вообще потребовали, чтобы она перед ними извинилась за то, что *не уважает* их, или они ее прямо в маршрутке *отымеют* (на самом деле слово было употреблено другое, но его никакая бумага не выдержит – со стыда сгорит).

Водитель гнал себе и гнал, не обращая ни на что внимания. Кондукторша попыталась урезонить компанию, но ее послали так далеко и в таких выражениях, что она отвернулась от салона и молилась только, чтобы скорей уж был вокзал. Двое-трое пассажиров в происходящее никак не вмешивались: жизнь, знаете ли, учит... Девочка отталкивала пьяные рожи и жалким голосом приговаривала:

– Не надо, помогите! Не надо, помогите!

Наконец Роман, который все это время тоже упорно таращился в темное стекло, делая вид, что скандал его никак не касается, не выдержал.

– Ну ладно, кончайте, ребята, – сказал миролюбиво. – Вон, до слез перепугали девчонку. Да отстаньте вы от нее, сейчас на Московский вокзал приедете – там сколько угодно найдете хороших, сговорчивых...

– А мы *хочем* эту! – гнусаво завопили *пацаны*, не желавшие общаться с синявками, обитательницами подворотен близ Московского вокзала, и принадлежавшие, судя по изысканности вкусов, к потомкам тех гегемонов, которые в постреволюционные годы считали особенной доблестью изнасиловать как можно больше девушек из благородных семей. Буревестник революции Максим Горький даже рассказ на эту тему написал, который так и называется – «Графиня». – Мы *хочем* эту, и если ты, пидор, будешь нам мешать, то мы тебе сделаем то-то и то-то, *поял*?

– *Поял*, – ответил Роман. Вынув из кармана мобильник, он набрал номер 02 и, пока *пацаны* онемело на него таращились, попросил ответившего дежурного, чтобы постовые на Стрелке задержали такую-то маршрутку, в которой распоясались хулиганы.

Он даже не успел отключить телефон, как мобильник был из его рук вырван и выброшен в окно, а потом *пацаны* схватили Романа за руки и за ноги и потащили к двери.

– Останови! Открывай! – заорали они водителю, пытаясь вышибить двери Романом.

Однако водитель нажал на клаксон и сигналил непрерывно. С той стороны моста, где был пост ГАИ, уже помчалась патрульная машина, а еще одна ринулась вслед маршрутке от Нижегородского отделения милиции, куда был сразу передан вызов...

Когда две милицейские машины блокировали маршрутку на въезде на мост, *пацаны* спохватились, конечно, и даже оказались готовы к мирным переговорам, однако Роман валялся на полу маршрутки почти без сознания, основательно избитый, с сотрясением мозга и двумя сломанными ребрами, что и выяснилось, когда его отправили в больницу на спешно вызванной «Скорой помощи». В суматохе куда-то исчез его рюкзачок с «Кодом да Винчи» и портмоне, в котором лежали деньги и паспорт. Об этом Роман узнал на больничной койке... с которой ему пришлось подняться, потому что он должен был заняться похоронами отца и матери. Да-да! Галина Ивановна умерла от разрыва сердца, когда была вызвана вместе с Эммой Шестаковой на опознание трупа Константинова В. С.

Вообще нервы человеческие, тем паче женские, – штука довольно-таки странная. Галина Ивановна хоть и со слезами, но стойко подтвердила, что этот голый мертвец, лежащий на столе прозектора, – ее бывший муж, а потом, когда вышла в коридор, где ожидал следователь, предъявивший ей протокол с места действия и список найденных у Константинова вещей, вдруг лишилась сознания, упала, а спустя несколько минут и скончалась. Эмма Петровна была при этом, и какое-то время следователь за ее состояние тоже побаивался: так она побледнела. И, что характерно, тоже вполне мужественно держалась в мертвецкой, а выйдя оттуда...

Все-таки как еще часто попадают в органы дознания и правосудия люди случайные, не умеющие проникнуть в суть поступков человеческих! Этот следователь явно принадлежал к их числу. Потому что любой другой на его месте мигом смекнул бы, что и Галина Ивановна, и Эмма Петровна были потрясены тем, что обнаружили в списке вещей их общего мужа.

А вернее – *не* обнаружили...

* * *

Самое удивительное, что Фанни совсем не удивилась, когда, возвращаясь от тетушки, спустилась в метро на станции «Центр Добентон» и на пустой платформе обнаружила знако-

мую фигуру в рыжей куртке и сизых джинсах. Она только обреченно вздохнула и медленно подошла к Роману.

Тот, впрочем, ее даже не заметил, а продолжал трудиться над автоматом с напитками, печеньем и орешками, снова и снова опуская в прорезь монетку в один евро и нажимая на кнопку. Монетка со звоном выскакивала в лоточек, куда, по идее, должна была свалиться упаковка с печеньем, или баночка с пепси-колой, или пакетик орехов. Роман вытаскивал ее, опять опускал в прорезь, опять нажимал на кнопку... Результат продолжал оставаться прежним. То есть никаким.

Фанни несколько мгновений постояла за его спиной – совсем как днем стояла там, у себя в бистро, – понаблюдала, тая улыбку, потом проговорила:

– Привет, что ты здесь делаешь?

Роман обернулся, смерил ее взглядом – тоже, полное впечатление, не удивившись этой новой встрече – и ответил рассеянно:

– Как что делаю? Пытаюсь выманить у этой жадины какой-нибудь чебурек, а то есть очень захотелось.

Вот оно! Вот о чем она хотела у него спросить, вот почему целый день о нем думала, с облегчением сообразила Фанни.

– А что такое чебурек?

– Чебурек... ну, это такой плоский пирог с мясом, какое-то восточное блюдо. Очень вкусно бывает приготовлен. А бывает – гадость ужасная.

– Не хуже, чем эти печенья, – Фанни с отвращением посмотрела на «меню» автомата.

– Да ладно! – снисходительно махнул рукой Роман. – Вот эти шоколадненькие очень даже ничего. Только с автоматом какие-то проблемы.

– Это не с автоматом проблемы, а с твоей монеткой, – усмехнулась Фанни. – Скажи на милость, почему ты опускаешь один евро, если вот тут ясно написано, что нужно опускать два?

– Да разве не понятно? – пожал плечами Роман. – У меня нет двух евро. Вот думаю: может, эта железка сжалится? Я ведь на ковбоя в вашем бистро всю свою милостыню спустил, да так ничего и не добился.

– Как – не добился? Когда ты ушел, я посмотрела – перо сбито! Я еще удивилась, что ты не взял выигранное пиво.

– А, ну это, видимо, последний выстрел сбил перо. Я нажал на рычаг и даже не посмотрел, как там и что, повернулся и ушел, – пояснил Роман. – А пиво я не пью. Я его терпеть не могу. У нас в России все, как ошалелые, сосут это пиво днем и ночью из огромных таких двухлитровых пластиковых бутылок. Осоловелые, глазки в кучку... Нация упившихся обормотов... Ну их вместе с пивом!

В эту минуту подошел поезд. Фанни глянула на него и не тронулась с места.

– Вы что, не едете? – удивился Роман.

«Что я, с ума сошла?!» – мелькнуло у Фанни.

– Еду, конечно! До свиданья!

– Почему? Я тоже еду!

Роман схватил ее за руку, подтащил к ближнему вагону и замешкался перед дверью.

«Он что, раздумал?» – подумала Фанни и нажала на зеленую круглую кнопку. Дверь распахнулась, она вскочила в вагон, Роман следом.

– Черт! – фыркнул он. – Вечно я забываю, что надо на эти кнопки нажимать. У нас в России двери в метро открываются автоматически.

– Да ну? Хорошо!

– Кажется, только это у нас и хорошо, все остальное плохо. Прошу вас. – Он придержал откидное сиденье, подождал, пока Фанни сядет, потом плюхнулся сам. Вытянул длинные ноги, обтянутые джинсами, и уставился на список станций, которые предстояло проезжать.

Фанни покосилась на его профиль и быстро, незаметно вытерла о юбку руки (у нее вдруг вспотели ладони). И пришлось откашляться, прежде чем удалось выговорить:

– Значит, в России все плохо. Но здесь, как я поняла, у вас тоже не ладится... Вы с матерью где живете? В общежитии для иммигрантов?

– Жили сначала, но матери там не понравилось, – покачал головой Роман. – Черные кругом. Это же ужас, сколько в Париже черных и арабов! Вы не боитесь, что ваша нация вообще скоро выродится?

– Бояться этого считается во Франции дурным тоном, – сухо ответила Фанни, которая, честно сказать, была расисткой, хотя ни за что на свете не призналась бы в этом никому, кроме самой себя. – А что, в России нет засилья черных и арабов?

– Там и без арабов тугο. Кавказцы на каждом шагу. Мы их называем черными. Их море, плюнуть некуда, но российская нация выродится не из-за них.

– А из-за чего?

– Да ну, мало ли? – махнул он рукой. – Сопьется, скурвится, вымрет из-за дурной еды или от ненависти к собственной стране. У нас круто. Везде круто, везде воруют, сверху донизу, президенту уже давно никто не верит, выжить можно только богатым людям, а народ весь скоро уйдет на удобрение. Так моя мать говорит. Она не хотела, чтобы мы с ней пошли на удобрение, ну вот и надумала сюда приехать.

– И где же вы живете, если не в общежитии для иммигрантов?

– Мы жилье снимаем. Кстати, недалеко от вашего бистро, знаете, дом напротив агентства «Кураж», на рю де Прованс, там еще три антикварные лавки внизу и буланжерия.³

– Большая у вас квартира?

– Какая квартира?! – хмыкнул Роман. – Мы комнатку для прислуги снимаем!

– Что?!

Фанни так и ахнула, представив себе эти комнатушки под крышей – максимум двенадцать метров, тут же раковина и газовая плита, туалет, как правило, в коридоре, окно выходит прямо на черепичную крышу, летом раскаленную от жары, а зимой в этих комнатушках холодно, как в холодильнике, потому что в них нет отопления. Приходящая прислуга Фанни, филиппинка, жила в такой комнатке и прошлой зимой купила себе большой обогреватель, но жаловалась, что в основном обогревает улицу, потому что комнатка продувается насквозь. Этой зимой бедняжка просто не вылезала из простуд, Фанни даже пришлось нанять другую прислугу. Но филиппинцы и черные где только не ютятся, им как бы сам бог велел. А уж если белые снимают комнаты для прислуги, то это уж какие-нибудь клошары, вроде Армана, всякое отребье. Но Роман отнюдь не похож на отребье, в том-то и дело.

– Комнатку для прислуги?! Но ведь там невозможно жить!

– Невозможно, – покладисто кивнул Роман. – Поэтому я и шатаюсь целыми днями где попало, только бы дома не сидеть. Брожу по городу... Красивый город, что и говорить, приятно в нем жить, особенно если есть к кому прижаться ночью и с кем потрепаться днем.

Фанни снова покосилась на его профиль и снова вынуждена была откашляться, чтобы изгнать из голоса внезапную хрипотцу:

– Да неужели...

И осеклась. Чуть не спросила: «Да неужели такому ослепительному красавцу не к кому прижаться ночью?!»

Нет, не надо задавать такого вопроса. А почему? Что в этом особенного? Но вдруг он скажет: конечно, есть. Скажет: да, у меня есть девушка, она живет в соседней комнатке для прислуги, и когда мы с ней прижимаемся друг у другу, нам никакого отопления не нужно.

Ну и ради бога, ну и пусть скажет. Фанни-то что?

---

³ La boulangerie – булочная (франц.).

А черт его знает...

Но спросила она все же о другом:

– Да неужели ты не работаешь, если целыми днями по городу бродишь?

Не совсем ловко построенной получилась фраза, ну и ладно, какая уж получилась.

– Нет, я не работаю, – сухо ответил Роман. – Мать работает. А я – маменькин сынок, я на ее шее сижу. Она меня сюда притащила, теперь пусть и ищет выход. Я не больно-то хотел ехать. Наш город помойка, конечно, но я все-таки на этой помойке родился, я там себя чувствовал как дома. Как-нибудь приноровился бы жить в куче мусора и питаться отбросами. А мать как с ума сошла, когда письмо от одной своей подружки получила. Она с мужем и детьми приехала в Париж как бы в турпоездку, а потом они взяли да и попросили политического убежища. Что характерно, им как-то удалось доказать, что в России их угнетали из-за того, что муж наполювину еврей, хотя это полная чухня. Никто его не угнетал, больно надо! Словом, им удалось получить вид на жительство на десять лет, потом гражданство дадут. Оба на работу устроились, дети учатся, какое-то пособие они получают... Повезло, в общем. Ну, мать и ринулась сюда сломя голову, а я, дурак, потащился за ней... Единственное, что меня извиняет, – это то, что я был тогда в шоке после смерти отца, плохо соображал.

– Отец умер? – Фанни покачала головой. – Печально.

– Он не просто умер, – хмуро сказал Роман. – Его убили. Убили и ограбили. Между прочим, именно после этого мы с матерью остались практически нищими. Ужас! Денег нет, жить не на что...

– Боже ты мой!

Фанни только успевала руками всплескивать. Конечно, она и раньше слышала, что Россия по-прежнему та же страна медведей и произвола власти, какой ее описывал любимый Дюма-пэр в романе «Учитель фехтования», однако надеялась, что перестройка... и все такое... и нынешний президент производит впечатление порядочного человека... Видимо, только производит впечатление. Жаль, что он так мал ростом, Фанни не доверяла маленьким мужчинам.

– Боже ты мой! Почему же вам не помогло государство?!

– Какое государство, вы что? – снисходительно посмотрел на нее Роман. – У нас в России испокон веков каждый за себя, один бог за всех. Но, кажется, и он на нас плюнул с высокой башни. Причем уже давным-давно плюнул! Ладно, ничего, как-нибудь выживем. А может быть, и нет. Я тут от нечего делать в русскую библиотеку начал похаживать, на рю де Валанс, дом одиннадцать...

Так вот почему он здесь оказался, в этом районе, на этой станции метро! Хотя нет, глупости. Сейчас уже почти одиннадцать вечера, никакая библиотека, пусть даже и русская, не может работать до таких пор. Может быть, задержался у какой-нибудь хорошенькой библиотекарши? Тоже глупости: Фанни как-то имела случай наблюдать двух, безусловно, привлекательных, но весьма почтенных и избыточно серьезных дам, работающих в русской библиотеке на рю де Валанс.

Как бы это повести разговор, чтобы Роман проговорился, что делал здесь, на станции «Центр Добентон»?

– Я отлично знаю этот дом одиннадцать, – перебила Фанни. – Там же и моя тетушка живет. Только библиотека на первом этаже, а тетушкина квартира – на третьем.

– А, так вон вы откуда едете! – кивнул Роман. – Понятно, тетушку навещали. Несли, так сказать, бремя родственного долга. Я не люблю стариков, с ними ужасно тяжело. Они нас считают идиотами и молокососами, а сами считают свой маразм проявлением высшей мудрости. У нас в подъезде живет одна така-ая гранд-дама... Говорят, обедневшая графиня. Она на нас смотрит, будто на каких-то насекомых.

– Ну, мое бремя не столь уж тяжелое, – засмеялась Фанни. – С теткой мне повезло. Ей, правда, недавно исполнилось восемьдесят пять, однако до малярии ей так же далеко, как отсюда до Луны. Она просто чудо!

И тут же Фанни прикусила язычок. Нет, она не пожалела, что отдала должное тетушке Изабо, которая, несмотря на свое исторически скомпрометированное имя, была вовсе не старой злыдней и занудой, а бодрой и веселой дамой, умной, с отличной и цепкой памятью, однако зачем было называть Роману ее возраст? Ведь он легко может сделать простейший логический вывод: если тетке восемьдесят пять, то племяннице никак не может быть меньше сорока пяти – пятидесяти. А то и больше!

«Ну и что? – хмуро спросила сама себя Фанни. – А тебе не все ли равно, сколько лет он тебе даст? Все равно же явно не восемнадцать и даже не тридцать... Ты для него – бабуля. Ну, ладно, мамаша, его мать наверняка мне ровесница. Пожилая тетка – вот кто ты для него, именно поэтому он так и откровенен. Вообще опомнись, смотри и ты на него, как на сына. Ну ладно, не на сына, но просто как на мальчишку. Ну, да, красавец, ну, секс-эпил какой-то невероятный, просто-таки озноб берет, когда встречаешься с ним взглядом, ну да, глазницы у него обалденные... Ну и что?!»

Возвав к своему рассудку, Фанни тем не менее решила не продолжать разговор о тетушке Изабо и не сказала Роману, что, хотя сама она отнюдь не хотела дожить до такого жуткого возраста и втихомолку надеялась, что Иисус призовет ее, скажем, не позднее шестидесяти (правда, раньше она рассчитывала, что это произойдет в пятьдесят, еще раньше – в сорок, а еще раньше ей казалось, что после тридцати вообще жить не стоит, и в день, когда ей исполнится это огромное, постыдное число лет – тридцать! – она непременно покончит с собой, чтобы остаться красивой и молодой навсегда), однако если уж там, на небесах, по какой-то причине замешкаются и придется-таки состариться, то пусть у нее будет такая же веселая, необременительная, благодатная старость, как у тетушки Изабо. Конечно, подобные разговоры покажутся двадцатипятилетнему юноше первым признаком наступающего малярии. Поэтому Фанни не обмолвилась Роману и о том, что преданно заботилась о тетушке не только потому, что у той имелся солидный счет в банке, дом в прелестном местечке неподалеку от Тура (впрочем, Изабо терпеть не могла «сельской глуши», а потому безвылазно сидела в Париже) и шестикомнатная квартира в очень приличном пятом аррондисмане, а Фанни – ее единственная наследница. Вся штука в том, что рядом с тетушкой она чувствовала себя девочкой... ну ладно, девушкой, о которой кто-то думает, беспокоится, заботится, которой кто-то, просто говоря, интересуется, а не тем, кем была в действительности: одинокой дамой не первой молодости (может быть, даже уже и последней, если быть до конца откровенной перед собой и зеркалом!), не нажившей за жизнь ни семьи, ни детей, ни особых богатств, и даже последнюю свою радость – «Le Volontaire» – вырвавшей у жизни за слишком дорогую плату: ценой потери двух любимых мужчин. Одним был Поль-Валери – ну да, тот самый, старый и толстый, но он ведь не всегда был таким. А был некогда умопомрачительным красавцем, и в ту пору он стал первым любовником Фанни, первым ее мужчиной, потом – вообще «мужчиной ее жизни», лучшим другом, какого могла бы пожелать себе женщина, сначала подарившим ей половину «Le Volontaire», потом завещавшим вторую. Ну а другим утраченным навеки был Лоран, который выкупил (ну да, он был сказочно богат, этот русский парвеню!) для Фанни «Le Volontaire» у наследников, оспоровивших волю Поля-Валери и почти выигравших процесс. Если бы не Лоран, у Фанни не было бы «Le Volontaire».

А теперь вопрос такой: если бы она заранее знала, что получит «Le Volontaire», но потеряет Лорана, и если бы ей предложили выбирать между бистро и любовником, что она выбрала бы? Еще неделю назад она, пожалуй, сказала бы, что Лорана – и пусть валится в тартарары «Le Volontaire» вместе со всем тем дорогим ее сердцу старьем, которым его некогда набил Поль-Валери... Кстати, находились идиоты, которые советовали Фанни все в бистро переиначить,

сделать его новым и современным, освободить от «этой рухляди», однако она не собиралась расставаться ни с одной из вещей, которые появились здесь на ее памяти и которые она любила не меньше, чем их любил Поль-Валери. Да и вообще, в квартале Друо совет «освободиться от рухляди» звучал просто неприлично, ибо это – квартал антикваров! Ну вот, еще неделю назад она сказала бы, что выбирает Лорана. Однако сейчас, сидя рядом с Романом и украдкой вдыхая запах его волос, его молодой кожи, ловя расширенными ноздрями легонькое дуновение его парфюма, пытаясь угадать название (что-то знакомое... «Лалик»? «Фаренгейт»? Нет, кажется, все-таки «Барбери брют». Точно, это «Барбери». Ну надо же, и Лоран любил этот запах, любил этот магазин, какое совпадение!), – словом, сейчас она вряд ли дала бы столь категоричный ответ.

«Le Volontaire» запросто можно отнести к категории вечных ценностей. А мужчины – это что-то преходящее. Если отвлечься от конкретного мужчины по имени (то есть по прозвищу, а какое там у него имя, сам черт не разберет!) Лоран и окинуть взором собственную многотрудную любовную биографию, следует признать: каждая разлука с любовником казалась Фанни горем, которое пережить просто невозможно. Она думала, что умрет, когда Поль-Валери променял ее на ту блондиночку из Нанта, как ее там... Клоди, ну да, Клоди, которая вскоре ушла от него к какому-то шведу из Иностранного легиона, и тогда Поль-Валери вернулся было к Фанни, но у нее уже был Виктор... И ей, между прочим, чудилось то же самое, когда он бросил ее ради этой... как ее звали... Нет, не вспомнить! Потом были Роже, Кристоф, Алексис, Жорж... Имя им легион, пусть и не Иностранный. Кто-то бросал ее, кого-то бросала она... Страдание сменяется счастьем, счастье – страданием, в этой смене и есть смысл жизни, от однообразного счастья небось с ума сойдешь со скуки! Мужчины приходят и уходят, а «Le Volontaire» остается навсегда, как бриллианты в том фильме про Джеймса Бонда. И, положив руку на сердце, появившись сейчас рядом с Фанни кто-то красивый и страстный... молодой... с такими же невыносимыми глазами, как у этого русского мальчишки... с такой же горестной складочкой у губ, и кольцами темно-русых кудрей, падающих на белый лоб, и тонко вырезанными губами, и бесподобным ароматом... нет, никакой новомодный «Барбери брют» не может соперничать с ароматом молодости и свежести, ведь это самый лучший, самый душистый, самый дурманящий цветок на свете... Как жаль, что Фанни не вдохнуть его аромата, не сорвать его, не стиснуть в ладонях тугого стебля, не зарыться лицом в его горячие, живые лепестки!

«Прекрати! Немедленно прекрати себя заводить, ты еле дышишь. Что за приступ педофилии тебя вдруг обуял?!» – одернула она себя.

Фанни отвела, нет, одернула взгляд от Романа и смятенно уставилась в окно поезда. Мимо проплыло изображение золотого идола с непомерно большущими глазами – огромная реклама новой выставки в Лувре, «Римская Франция». А рядом – объявление об обвальном скидке в магазине «Си энд Эй». И еще анонс нового мужского парфюма «Аззаро», но этот зеленоглазый потаскун, который с рекламного щита строит глазки всем женщинам подряд, и в подметки не годится Ро...

«Угомонись, кому сказано!»

Секунду, это какая станция? Уже «Сюлли-Морлан»?! Как быстро! Но ведь до «Пирамид», где сходить Фанни, уже рукой подать. Она выйдет, а Роман поедет дальше, до своего дома, в котором он уютится в комнатке для прислуги, – и Фанни не увидит его, быть может, никогда в жизни!

– Извините, Роман, я вас перебила, – торопливо заговорила она. – Вы говорили, что ходите на рю де Валанс, в русскую библиотеку...

– А, ну да, – кивнул он рассеянно, за время долгого молчания Фанни погрузившийся в какие-то свои мысли. О чем? Или о ком? – Это хорошая библиотека. Я там нашел книжки Бориса Поплавского. Он русский, из первой волны иммигрантов. Я понимаю, французам это имя ничего не говорит, а между тем в двадцатые годы его называли «монпарнасским прин-

цем». Он и прозу писал, но в основном стихи. Хотите, прочту? Если не ошибаюсь, его у вас не переводили, так что послушайте, может, вам понравится. Мой французский, правда...

– У тебя отличный французский! – с жаром (просто-таки с пылом!) воскликнула Фанни. Ладно, она уже столько раз врала в своей жизни, что еще одна маленькая ложь ей, конечно, простится. А не простится – ну и наплевать! Ведь это ложь во спасение. Чье спасение? Да свое, свое собственное! Свое спасение от надвигающейся разлуки с Романом.

– Ну, спасибо, – сверкнул он глазищами, видимо, довольный. – А то меня мать запилила. Она в России преподавательницей французского была, сейчас вообще говорит очень хорошо, практически без акцента. Мне до нее далеко! Я вам Поплавского в ее переводе читаю. Она так, для удовольствия, балуется иногда переводами. Ну вот, слушайте. Называется «Снежный час»:

Читали мы под снегом и дождем
Свои стихи озлобленным прохожим.
Усталый друг, смирайся, подождем.
Нам спать пора, мы ждать уже не можем.

Как холодно. Душа пощады просит.
Смирись, усни. Пощады слабым нет.
Молчит январь, и каждый день уносит
Последний жар души, последний свет.

Испей вина, прочтем стихи друг другу,
Забудем мир. Мне мир невыносим —
Он только слабость, солнечная вьюга
В сиянье роковом нездешних зим.

Огни горят, исчезли пешеходы.
Века летят во мрак немых неволь.
Все только вьюга золотой свободы,
Лучам зари приснившаяся боль.

Не то чтобы Фанни не любила стихов... просто не понимала их. Наверное, потому, что мало прочтала их в жизни. Верлена когда-то читала, когда молоденькой была. К Верлену ее приохотил Поль-Валери, ну а после него как-то не попадались ей любовники – любители стихов. Между тем Фанни всегда была зеркалом для своих мужчин. Не читали стихов они – не читала и она. Однако сейчас ей вдруг остро захотелось взять в руки маленькую книжку в мягкой бумажной обложке, перелистать страницы, испещренные столбцами коротких строк на непонятном языке...

Она что, собралась читать стихи этого «монпарнасского принца» на русском языке?! Ну, она знает кое-какие слова по-русски: «я тебя люблю», «трахни меня», «ну давай, еще давай» – выучилась от Лорана. Но Лоран не читал ей стихов.

Вот бы взять сейчас, повернуться к Роману и сказать ему сдавленным от желания голосом:

– Трахни меня!
Сказать именно по-русски!
Что будет?

Скорее всего, он достанет мобильник и вызовет «Скорую помощь». А если... А если спросит:

– Что, прямо здесь? В метро?

А если он согласится?!

Ну, вагон пустой. Впереди дремлют два каких-то почтенных старикана. Так что Фанни с Романом здесь практически наедине.

– Еще почитай, – попросила Фанни, словно невзначай беря его под руку, да так и оставляя свои пальцы в теплом сгибе его локтя.

Он словно бы не удивился, даже виду не подал. А скорее, не заметил ничего. Все Фанни, как обычно, себе нафантазировала! Он просто едет с ней рядом, просто едет, а она...

В эту минуту поезд остановился на станции «Пон-Мари», дверь открылась – и в вагон вошла девушка с банданеоном.

Потом Фанни долго думала: а вот интересно, как сложилась бы жизнь ее и Романа, если бы эта девица с банданеоном в тот вечер не пересекла им путь? Может быть, они вышли бы себе из метро – она на «Пирамидах», он – на «Лепелетье» – да и двинулись бы каждый своей дорогой?

Неужели вся причина дальнейших радостей и бед крылась только в музыке, в той музыке, которая вдруг зазвучала в вагоне?

Бедняжка Фанни, которой так и не суждено было узнать правды! Правду знает Роман, но это знание он унесет с собой в могилу.

А впрочем, у него остается еще некоторое время весьма веселой, насыщенной радостями жизни, поэтому пока не стоит о печальном!

* * *

Оставим в стороне те пути, по коим пойдут добросовестные и недобросовестные следователи, которые будут пытаться докопаться до истины в деле о внезапной смерти гражданина Константинова В.С. Все равно пути будут не теми, и не найти следователям этой самой истины... прежде всего потому, что им никто не поможет ее найти. Их будут водить за нос и нагло врать им все, кто, казалось бы, самым непосредственным образом заинтересован в результатах расследования.

И вообще, это самое расследование велось путем как официальным, так и неофициальным.

Итак, вот что навеки осталось тайной для следствия.

Валерий Сергеевич Константинов был человеком богатым. Очень богатым! Нет, он не владел десятком нефтяных скважин (не владел даже и одной!) и не принадлежал к числу богатей знаменитых. Его богатство оставалось тайной для всех, кроме самых близких людей. При чем богатством своим Валерий Сергеевич завладел тем способом, о котором люди мечтают испокон веков: он нашел клад.

Нет, карта капитана Флинта и все другие, ей подобные, на которых место, где надо копать в полночь, повернуться лицом к востоку, а то и наоборот, к западу, обозначено крестиком, ему не понадобилась. Валерий Сергеевич нашел клад совершенно случайно и довольно давно – девять лет тому назад, в 1996-м.

Константинов был любителем, как уже говорилось выше, старины. Всю жизнь он, простой совслужащий, инженер, мэнээс, жил в убогой хрущевке, заставленной грубо сколоченными обрезками деревоплиты, которой был придан вид шкафов, сервантов и столов, ел из дешевой фаянсовой посуды, читал книжки, изданные на газетной бумаге, да и те приходилось всякими окольными путями «доставать», например, сдавать макулатуру, а позднее – ходить за ними в библиотеку, потому что покупать с некоторых пор стало не по карману. Но страсть к

антиквариату, к роскоши или хотя бы намекам на нее терзала сердце Валерия Сергеевича, и удовлетворял он ее вот каким способом: в свободное время ездил по городу и выискивал дома, предназначенные на слом. Чуть только такой дом освобождался жильцами и из него начинали выламывать окна, Константинов был уже тут как тут! Он надевал перчатки, доставал из сумки небольшую монтировку и обходил пустые комнаты, в которых мгновенно начинало пахнуть сыростью, землей и даже мертвечиной. Кругом валялись груды брошенного жильцами мусора, в котором Константинову удавалось найти немало интересного: от книг до старинных флакончиков для духов. Однажды он отыскал роскошную вазу – правда, в виде осколков, но ее удалось склеить. В другой раз ему попалась печная заслонка невиданной красоты, судя по всему, отлитая веке в XVII, а то и раньше. Полуразбитые статуэтки, иконы в жутком, непотребном состоянии, да и картины никому не известных художников, где едва-едва можно было разобрать лица и предметы, тоже попадались. Ну и множество всяких бытовых мелочей: очки с выбитыми стеклами, туфли или сандалии (как правило, непарные), дамские сумочки или то, что от них осталось, какие-то рваные платья, отделанные стеклярусом или полусгнившим кружевом... И вот однажды Константинов наткнулся на покрытый темными пятнами, заплесневелый саквояж, который валялся в каком-то подвале. Он был набит старыми газетами времен, ну, если не Очакова и покоренья Крыма, то явно начала двадцатого столетия. Точнее сказать было трудно, потому что газеты частью сгнили, частью превратились в труху, и Константинов осторожно, по одной, вынимал их из саквояжа и рассматривал с благоговением, ибо это тоже была столь обожаемая им *старина*. Ну и вот, представьте себе, среди этих газет он наткнулся на пыльный, грязный тряпичный сверток, в котором перекатывались какие-то мелкие камушки.

Как только Константинов взял его в руки и ощутил пальцами это перекатывание камушков, он почему-то сразу понял, что именно там находится. Не стал больше ничего трогать в этом доме, не притронулся к куче столь бережно отобранного старья, сверточек спрятал в карман, перчатки снял и бросил куда попало, монтировку отшвырнул, из развалин вышел и немедленно же уехал на ближайшей электричке на дачу, в Рекшино. Только там, в халупе на традиционных четырех сотках, он хранил все свои сокровища, потому что жена наотрез отказалась видеть *это барахло* в своей до блеска вымытой «хрущобе». Немалым был риск, что деревенская шпана вскрыет дачу и поживится сокровищами Константинова, однако сокровищами они были лишь в глазах этого человека, и впрямь помешанного на антиквариате, а воришки – люди практичные, они ищут то, что можно продать или хотя бы выменять на водку.

Итак, Константинов приехал в свой тайный склад, завесил окна, зажег свечку (электричество в Рекшине теоретически было, да его постоянно отключали, отключили и на сей раз, но в тот момент это, пожалуй, было кстати) и развязал узелок. Рассмотрел свою находку.

Камушки были такими невзрачными, похожими на грязные стекляшки.

Константинов помыл их в теплой воде с хозяйственным мылом. Пересчитал. Их оказалось двести восемьдесят пять – крупных бриллиантов размером в основном с рисовое зернышко, пара штук с горошину (в каратах Константинов тогда еще не разбирался). Одни чуть больше, другие чуть меньше, но все – удивительной прозрачности, чистой воды, великолепной огранки. Двести восемьдесят пять сверкающих бриллиантов!

Лингвист, конечно, сказал бы, что так говорить нельзя – «сверкающих бриллиантов». Что это – плеоназм, поскольку в самом слове «бриллиант» уже заключено его определение – «сверкающий». Но Константинов не был лингвистом. Да и какое человеку дело до плеоназмов, когда он внезапно становится миллионером? Миллионеру все простительно!

Кому принадлежали бриллианты, кто спрятал их в этом саквояже, среди газет? Почему не достал оттуда?

Об этом можно было только гадать. Константинов вспомнил читанные им многочисленные истории о том, как после революции богатые люди пытались утаить свои сокровища от безумной толпы грабителей, в которую в одночасье превратилась масса народа. Куда только не

прятали бриллианты, украшения, золотые монеты! Шили какие-то пояса, выдалбливали трости, делали специальные шиньоны-тайники для женщин, засовывали камни под подошвы башмаков... Ну а владелец или владелица этих бриллиантов, видимо, в спешке сунули в саквояж, под газеты – и... Темные, ржавые пятна на саквояже вполне могли быть пятнами крови...

Но об этом Константинов предпочитал не думать. Какой смысл? Все на свете предопределено. И если он нашел бриллианты, значит, это было записано в Книге Судеб – так же, как записана в ней была и участь их предыдущего владельца.

Итак, Константинов стал обладателем целого состояния, богатства поистине несметного...

Ну, такие находки вряд ли могут пройти для человеческой психики бесследно. Не обошлись они просто так и Константинову. Разумеется, он теперь страшно боялся, что люди каким-то образом о его сокровищах проведают и ограбят его, а то и убьют. Не должны были знать о камнях даже самые близкие – жена и сын! Тем паче что Константинов своей семейной жизнью доволен никогда не был. Жену он не любил и втихомолку изменял ей, когда выпадал удобный случай (в командировке, например, или на какой-нибудь турбазе), к тому же тайно вожделел ее подругу, но понимал, что шансов у него – ниже нуля. Воспитание сына Константинова вообще ничуть не интересовало, он с удовольствием сплавил бы его каким-нибудь бабушкам или дедушкам, однако таковых в семье не имелось. Именно поэтому он не намеревался посвящать домашних в судьбоносную находку и делиться сокровищами.

Отныне Константинов непрестанно думал о том, как сохранить тайну своего богатства, куда спрятать бриллианты. Ни одно место в мире не казалось ему достаточно надежным, будь это даже сейф какого-нибудь там цюрихского депозитария. Идеально было бы носить камни с собой, придумав тайник, который не вызывал бы подозрений ни у кого...

Константинов такой тайник придумал. Изготовил его сам, используя для этого некий уже имеющийся у него в наличии предмет. Теперь этот предмет всегда лежал в кармане его пиджака, некрасиво его оттопыривая. И когда Константинову говорили, что он портит внешний вид костюма, тот только пожимал плечами и отмахивался. Поскольку ему всегда было наплевать на то, как он выглядит и во что одевается, это никого не удивляло.

Очень немногие люди, получив в свое обладание большие деньги, уберегутся от искушения начать их тратить. В этом смысле Константинов от них не отличался. Сами по себе бриллианты его не интересовали – но какие возможности они открывали! Теперь ему не обязательно было шариться в развалинах – он мог ездить в Москву, в настоящие антикварные салоны (в родном городе Константинов решил не светиться, тем паче что два-три антикварных магазина Нижнего Новгорода были подавляюще убогими). Но для этого нужно бриллианты превратить в деньги.

Как? Сдать камушек в скупку? Ну, один, ну, два сдашь, а больше? Заметят... Проследят... Опасно!

На дворе 1996 год... Разбои случаются прямо среди белого дня!

Надежных людей, которые занимались бы тайной скупкой драгоценностей, Константинов не знал. Обращаться к незнакомым ювелирам или антикварам не осмеливался (забегая вперед, следует сказать, что он не осмелится на это в течение нескольких ближайших лет). Невозможность потратить деньги, которые просто-таки жгли ему карман, несказанно мучила Константинова. А мечта осуществить свои желания (а желаний у полунищего мэнээса, затурканного советским бытом, а потом и соблазнами рынка, накопилось вагон и маленькая тележка!) стала его навязчивой идеей и медленно, но верно свела его с ума.

* * *

Бродячий музыкант с гитарой, губной гармоникой и банданеоном – самое обычное явление в парижском метро. Порою в вагоны вваливаются трубадуры с целым электронным оркестром, упрятым в сумку на колесиках, и наяривают – кто зажигательные латиноамериканские, кто сентиментальные французские песенки, кто классику из репертуара радио «Ностальжи». Одни обходят вагон с протянутой кепкой или какой-нибудь коробочкой, другие смиренно топчутся у двери, ожидая, что какие-нибудь мсье или мадам вдруг да расчувствуются при звуках мелодии, напомнившей безрассудные времена их молодости, и безрассудно сунут музыканту монетку в одно или два евро, а то и бумажную пятерку. Однако у Фанни создалось впечатление, что эта тоненькая кареглазая девица лет двадцати с безудержной массой мелко выющихся каштановых кудрей вовсе не принадлежала к племени бродячих музыкантов. На первый взгляд она была похожа на девочку из хорошей, хотя и не слишком зажиточной семьи, на студентку, которая возвращается после занятий в музыкальном колледже или даже в консерватории.

Девочка села, поставила на колени футляр и рассеянно взглянула на уплывающую платформу с желтыми пластмассовыми скамьями и неизбежной рекламой «Си энд Эй», объявляющей о фантастических скидках с такого-то по такое число. Затем она перевела взгляд на сидящих почти напротив Фанни и Романа, и глаза ее мгновенно перестали быть рассеянными, а сделались сначала изумленными, а потом настороженно-восторженными.

О нет, вовсе не Фанни вызвала ее восторг. На нее девочка едва глянула! Это Роман заставил ее щеки порозоветь, губы приоткрыться, глаза заблестеть. Это Роман заставил ее нервно сплести, стиснуть тоненькие пальчики... Итак, не одна Фанни оценила с первого взгляда его редкостную красоту! Ну да, а разве могло быть иначе? Однако у этой девчушки с тонким личиком куда больше шансов, чем у Фанни!

Шансов на что?! «Ой, да брось ты все это, – снова укорила она себя мысленно, – да сойди ты на ближайшей станции – это ведь будет уже Пон-Неф, оттуда можно до дома и пешком дойти привычным маршрутом утренней пробежки!» Ну разве не символично окажется, что они с Романом встретились на Пон-Неф и расстанутся на станции метро, которая так же называется?

И больше она его никогда не увидит...

Фанни едва ли отдавала себе отчет в том, что выдернула руку из-под локтя Романа и стиснула пальцы точно таким же нервным, почти истерическим движением, как эта девочка. Только в жесте том была надежда, а в движении Фанни – безнадежность...

Самое ужасное состояло в том, что девчонка оказалась почти копией той Фанни, какой она была тридцать с лишком лет назад. Удивительное, почти фамильное сходство! И Фанни вдруг ощутила острое, неодолимое желание вызвать из преисподней дьявола и предложить ему традиционный обмен: он получает в полное и нераздельное пользование ее душу, а за это хоть на день – да что там, хоть на час! – вернет ей молодость, сделает ее вот такой же сияющей и прелестной, как эта девочка с кудряшками. Ох, ну какая злая сила принесла ее и поставила поперек пути Фанни, вернее, посадила напротив!

Фанни не было видно, смотрит ли Роман на девушку, но можно было не сомневаться, что – да. Девчонка так играла своими хорошенькими, чуточку приподнятыми к вискам глазками (совершенно такие были глаза у Фанни в далекие и невозвратные годы, ну а теперь их очертания немного изменились из-за неизбежных морщинок, правда, она очень искусно придает глазам прежнюю манящую форму с помощью черного косметического карандаша, но дураку понятно, что все это не то... не то... совершенно не то!), как можно играть, только встречая ответную игру взгляда. Фанни представила, как смотрит на девушку Роман: чуть исподлобья, медленно приподнимая ресницы, и взгляд его не ослепляет, а обволакивает, словно дурманящий, завораживающий черный туман...

Поезд остановился. Пон-Неф. «Ну, вставай и выходи, что ты расселась, третья лишняя между этими двумя... очень может быть, созданными друг для друга?»

Фанни не двинулась с места. Сидела, прижавшись бедром к бедру Романа, жадно ловя его тепло, как морозными вечерами ловила тепло своими вечно зябнущими ладонями, прижимая их к калориферу. Только там она грела руки, а здесь душу. Сердце!

А между тем девочке, похоже, стало мало этой возбуждающей игры взглядов, она решила произвести на Романа еще более сильное впечатление. Не отрывая от него глаз, проворно открыла футляр, достала свой черно-белый, шахматный банданеон – и заиграла, не глядя на кнопки и клавиши, не отводя глаз от Романа.

Это было вечное «Бесаме мучо», аранжированное в ритме танго. Великолепная музыка! Отличное исполнение! Бесаме мучо – целуй меня крепче!

Пытка еще та...

Что сделает Роман, когда отзвучит мелодия? Похлопает в ладоши и равнодушно ответит взгляд? Откликнется на призыв? Нет уж, пусть эта бесстыжая маленькая сучка играет, раз начала! Не глядя, ощупью Фанни открыла сумку, нашарила в боковом карманчике какую-то купюру, выхватила и швырнула музыкантше. В какую-то долю секунды вспыхнуло в душе запоздалое сожаление – а вдруг попалась крупная? Там ведь у нее была одна в двадцать и одна – в пятьдесят евро... Ну, не зря же французенок считают самыми практичными, вернее, расчетливыми женщинами в мире!

Уже когда купюра летела, Фанни краем глаза отметила ее красно-оранжевый оттенок. Пятьдесят евро... А, да ладно, да гори оно все огнем! В конце концов, деньги – не самое важное в мире, и совершенно напрасно называют французенок самыми практичными, вернее, расчетливыми женщинами в мире!

Нет, все-таки не напрасно...

Красно-оранжевая птичка была замечена еще в полете. Девушка наконец-то отвела взгляд от Романа и уставилась на купюру. А поскольку та спланировала на самый верх банданеона, девушка поневоле скосилась на нее и какое-то время так и сидела, собрав глазки к носику и не переставая бегать пальцами по клавишам.

Мгновение Роман и Фанни созерцали ее напряженную физиономию. Потом Роман вскочил и подал Фанни руку:

– Потанцуем, мадам?

Она вскочила, положила руку на его плечо, и он повел ее в ритме «Бесаме мучо», слитого с ритмом движения поезда.

Музыка звучала, как заказанная... Ну да, ведь музыкантша и была нанятой на пятьдесят мелодий! Ну ладно, хотя бы на двадцать пять, если оценит свои услуги в два евро за мелодию. Двадцать пять – это тоже хорошо.

Боже мой, Пресвятая Дева, как давно, как отчаянно давно Фанни не танцевала! Лет двадцать, это точно. Один из ее любовников был жиголо из ресторана «Галери Лафайет», он научил Фанни танго, медленному фокстроту и румбе, изумляясь, как быстро она все схватывает, и уверяя, что если бы она вовремя начала учиться танцам, то... то вполне могла бы стать его партнершей в ресторане. Потом они расстались (кто кого бросил, Фанни теперь уже и не помнила), с тех пор практики у нее не было никакой, однако уж если Фанни что схватила, то схватила! И даже если она напрочь забыла, что значат слова «фор-степ», «фэлловей» или «контр-чек», то ноги моментально вспомнили, как эти самые фор-степпы и фэлловеи проделываются. Вспомнили – и пошли, пошли... Роман, к изумлению Фанни, оказался отличным танцором, не хуже, чем тот полузабытый жиголо по имени Артур, и повел ее так уверенно, словно под их ногами был не пол вагона, идущего по рельсам, а паркет танцзала.

Какое счастье танцевать с ним, двигаться, прильнув бедром к его бедру! Какое счастье сознавать, что он предпочел ее этой наглой музыкантше, предпочел Фанни нынешнюю, со

всеми ее немалыми таки годами, Фанни другой, выглянувшей из прошлого: молодой, глупенькой, простенькой, у которой только и было достоинств, что гладенькая мордашка и тугие грудки: ни денег, ни жизненного опыта, ни страданий, ни «Le Volontaire»... Правда, многие женщины с годами опыта так и не приобретают, собственность не ценят, страдать нипочем не хотят, а весь наличный капитал готовы отдать чохом, только бы вернуть, вернуть эти самые гладенькие мордашки и тугие грудки...

Впрочем, сейчас, в объятиях Романа, Фанни чувствовала себя даже младше молоденькой музыкантши. Сейчас ей было девятнадцать, не больше! Потому что чувствовала: ее возраст не имеет для него никакого значения. Ну не смотрят так на почтенных дам, как Роман смотрел на нее, когда их взгляды вдруг обращались друг к другу в резких поворотах голов. Не напрягается так мужское тело, прижимаясь к телу *старухи*! И пусть знает свое место эта девчонка, эта жалкая аккомпаниаторша...

Поезд дернулся, нога Романа зацепилась за ногу Фанни, они качнулись и вместе повалились на сиденье. Причем Фанни оказалась верхом на Романе.

Она испуганно вскрикнула и попыталась слезть, но Роман не пустил. Он схватил Фанни за бедра и прижал к себе так крепко, что она вдруг ощутила, что сидит на каком-то твердом вздутии. Замерла было, однако движения поезда поневоле заставляли двигаться и ее. Роман вдруг резко выдохнул сквозь стиснутые зубы и задрал на Фанни юбку. Ноги между чулками и трусиками (Фанни никогда не носила колготки, терпеть их не могла!) словно загорелись от его прикосновений. Одной рукой он обхватил Фанни за шею и заставил нагнуться так низко, что губы ее уткнулись в его губы. Его язык вонзился ей в рот, отпрянул, снова вошел между губ, грубо ударяясь о ее язык. Губы впивались в ее губы. Это был не поцелуй. Это было что-то иное – утоление жажды, половой акт, совершаемый только ртами. Фанни застонала от изумления, страха, возбуждения, и в это время пальцы Романа скользнули ей в трусики, запутались в волосках межножья, ища путь внутрь. Там, внутри, было уже влажно, влажнее некуда. Фанни рванулась – не в припадке запоздалого стыда, не для того, чтобы вырваться, а чтобы немного сдвинуться с напряженного бугра, расстегнуть ширинку джинсов Романа, стиснуть руками, естественным своим то, что отыщется там...

Она совершенно потеряла голову, забыла, где она, что с ней... Нет, что с ней, она как раз отлично понимала: ею овладело неистовство, любовное безумие, чудилось – подобного изнуряющего желания она не испытывала никогда в жизни. Схватить Романа за его плоть, нанизать себя на этот божественный, сильный, напряженный стержень, прыгать, вертеться на нем, доходя до исступления и доводя до исступления Романа...

Бесаме, бесаме мучо...

Фанни вдруг осознала, что музыка кончилась, что вместо нее слышны какие-то голоса.

Приподнялась в полубеспамятстве, огляделась пьяно (Роман лежал с полузакрытыми глазами, рот искажен страданием, а руки все шарили, шарили по ее телу) – да и ахнула, увидав целую толпу японцев, которые ввалились в вагон и замерли... Да, зрелище пред ними предстало не из самых скромных! Неудивительно, что не слышно музыки: нервы у аккомпаниаторши не выдержали, она выскочила из вагона и теперь бежала по платформе, неловко прижимая к груди банданеон.

Сколько она успела сыграть мелодий? На сколько евро?

Ладно, сдачи не надо, как любил говорить Лоран.

Это имя пролетело мимо сознания, не зацепив, не задев, не поранив.

Однако какая это станция? Боже мой, «Пирамиды»!

Фанни соскочила с Романа, одернула юбку и, глядя поверх голов маленьких японцев с самым невозмутимым выражением (а что, девичью стыдливость прикажете изображать, что ли?), принялась проталкиваться к двери, куда вливались и вливались новые жители Страны восходящего солнца. То-то историй о развратных гэйдзинах будет поведано там, у подножия

Фудзиямы, под сенью белоснежных вишен, лепестки которых, как утверждал Басе (а может, и не Басе, но это не суть важно), похожи на томные веки красавиц...

Фанни выскочила на платформу в последний миг перед тем, как стали закрываться двери. Роман выскользнул следом, схватил Фанни за руку, выдохнул:

– Куда?

Она правильно поняла вопрос: куда они теперь пойдут, чтобы завершить начатое?

Как он смотрел, какие у него были глаза! И все это предназначалось ей!

Фанни невероятным усилием подавила желание припасть к его дрожащим от желания губам: тогда только и оставалось бы, как улечься прямо на платформе... Но они едва ли успели бы получить удовольствие – их просто-напросто сдали бы в полицию за оскорбление общественной нравственности!

– Ко мне, – проговорила быстро. – Ко мне домой, это не очень далеко. Скорее, ну! – И побежала вверх по лесенке, ведущей к выходу из метро.

Так, на улице... Какой теплый вечер, какая тишина звездная! Веет весной. Но сейчас не до красот природы. Скорее пересечь авеню Опера, нырнуть в узенькую улочку Терез, потом по Сент-Анн до рю де Пти Шамп, улицы Маленьких Полей. И вот она – рю де Ришелье. Справа огромное здание бывшего дворца знаменитого кардинала Армана дю Плесси де Ришелье – того самого дворца, в котором некогда снимался любимый фильм Фанни по любимому роману «Три мушкетера». Много лет в этом дворце размещалась национальная библиотека, хотя, говорят, ее теперь куда-то перевели, чуть ли не на окраину... да бог с ней!

Роман налетел сзади, схватил Фанни в объятия, притиснул к своим бедрам. Господи, да он уже расстегнулся, он уже готов... *так* готов!

– Я больше не могу! – выдохнул он в шею Фанни, слепо шаря по ней губами. Ее огнем жгли эти лихорадочные поцелуи. – Не могу! Давай ляжем хоть под кустами!

У Фанни все внутри так и запылало. Она огляделась, сознавая, что, если бы сейчас появился недавно приглашенный дьявол, она охотно продала б ему душу даже не за молодость, а гораздо дешевле – за какое-нибудь подобие ложа, на которое можно свалиться вместе с Романом. За садовую скамейку, например.

Скамейку...

Напротив входа во дворец кардинала – маленький скверик с фонтаном: пять дородных полуодетых каменных дам изображают пять главных рек Франции. Сейчас фонтан выключен на зиму, но скамейки... скамейки никто на зиму не убирал! Конечно, сквер закрыт на ночь, но ограда невысока, ее можно легко перешагнуть, только ногу повыше задрать.

Фанни перешагнула, Роман перепрыгнул – и вот оно, вожденное ложе!

Даже несколько штук – на выбор, разных цветов.

Сейчас, впрочем, ничто не имело значения, кроме одного: лечь скорей, скорей...

Они не пошли далеко – повалились на ближайшую скамью, едва скрытую за кустом остролиста.

Фанни повалилась на спину, увлекая за собой Романа. Он рывком задрал ей юбку, схватился за резинку трусиков, потянул вниз – и вдруг замер.

– Ты что? – выдохнула она, задыхаясь от нетерпения.

– Я боюсь тебя, – тихо, хрипло и даже... как-то жалобно проговорил он. – Я не знаю, я не умею, как...

– Скорей, ну! – простонала Фанни, сходя с ума от нетерпения. Однако Роман словно и не слышал: трогал кончиками пальцев края ее с готовностью раскрытого лона, доводя до исступления этими прикосновениями и мучительным шепотом:

– Можно к тебе? Пусти меня к себе, дай, а то я сейчас прямо на тебя кончу, тебе трусики беленьким запачкаю...

От этих дурацких, нелепых, несусветных, непристойных, никогда прежде не слышанных слов Фанни зашла в оргазме, чудилось, еще прежде, чем Роман проник наконец-то в ее лоно.

Они глушили крики, кусая одежду друг друга.

Потрявоженный их возней остролист шелестел, шуршал, ронял на спину Роману красные твердые ягоды...

– Я сразу понял, что ты настоящая шлюха! – простонал Роман. – Ты не носишь колготки, а эти твои трусики, эти чулочки... Ну, еще, ну!

Удовлетворив первую жажду, они поднялись с немилосердно жесткой скамьи, дотацились, цепляясь друг за друга, до дома Фанни – и наконец-то их лихорадочная, столь внезапная страсть обрела крышу и четыре стены: надежную защиту от постороннего взора и ночного февральского ветра.

Внезапная, значит, страсть? Ну-ну...

* * *

Уже говорилось, что жена Валерия Константинова, Галина, работала медсестрой в психиатрической лечебнице на улице Ульянова. Шизиков она нагляделась предостаточно, а потому сразу заподозрила что-то неладное в поведении мужа. Он сделался недоверчив, молчалив, угрюм, озлоблен. Он запрещал посторонним (хороши посторонние – жена и сын!) дотрагиваться до своих вещей. Однажды избил сына за то, что тот нечаянно уронил со спинки стула висящий там пиджак... Вообще Константинов теперь свою одежду в шкаф не убирал, а вешал исключительно на стул, который ставил рядом с кроватью, и даже когда он занимался с женой сексом, он... Ах да, пардон. Поскольку в советской стране секса не было, Константинов еще в советское время решил им не заниматься. И не занимался.

Галина, строго говоря, никогда не была довольна своим браком. Это была маленькая, красивая брюнетка с пикантным (это слово раньше употреблялось почему-то исключительно по отношению к соусу, а между тем оно как нельзя лучше характеризует внешность некоторых дам!) личиком и обворожительными глазами, которые от нее унаследовал сын. Валерий же Константинов был красавцем нордического типа, хотя и не слишком высок ростом. Пожились Валерий и Галина не то чтобы по любви – скорее по необходимости завести семью. Ну и жили бы худо-бедно дальше – как все! – когда б не нашел Константинов эти злополучные бриллианты и не помешался бы слегка на этой почве.

Как говорят профессионалы, он стал неадекватен. Маниакально-депрессивный психоз – такой диагноз поставила Галина, которая в своей психушке в диагнозах здорово поднаторела.

У нее была задушевная подруга Эмма. Они дружили с детства – когда-то жили в одном доме, потом тот дом снесли, семьи получили квартиры в разных районах, но Галина и Эмма продолжали видеться. Дружили только они – семьями не получилось. Эмма давно с мужем разошлась, осталась свободной, бездетной и дала себе клятву больше в такую глупость, как супружеские отношения, не ввязываться. Деспот, алкоголик, грубиян, тупой, невежественный, совершенно не желающий понять и оценить, какое сокровище ему послала судьба, – таким был ее муж. Опять же и в постели – чурбан чурбаном! В знак полного разрыва с прошлым Эмма сбросила с плеч и фамилию нелюбимого мужа – Ломакина, вернув себе прежнюю, то есть вновь стала Шестаковой.

Именно Эмме пожаловалась Галина на то, что с ее мужем что-то происходит.

Эмма выслушала Галину, потом пару раз побывала у Константиновых... и вдруг сказала подруге:

– Он что-то от тебя скрывает. И до смерти боится, что ты об этом узнаешь.

– Может, он себе бабу постоянную завел? – всхлипнула Галина. – Я и раньше подозревала, что он при удобном случае норовит нашкодить, а тут, может, влюбился?

– Если бы он влюбился, то у этой бабы дневал и ночевал бы, – резонно возразила Эмма. – А ты сама говорила, что с работы он сразу домой, по вечерам и по выходным дома сидит, на дачу не ездит и по помойкам своим больше не шляется.

Шляться по помойкам – так называла Галина страсть любимого супруга к поискам всяческой старины.

– Логично, – согласилась Галина. – Но что он скрывает? Может, подцепил где-то что-то... Он со мной уже лет пять не спит, ты представляешь?

– И как же ты обходишься?! – почти с ужасом спросила Эмма. – Соседа во грех вводишь? Или какого-нибудь хорошенького психа? Или тихо сама с собою?

Галина покраснела и чисто плотно поджала губы:

– Да я и без этого обхожусь! Мне ведь уже сорок шесть, пора о душе подумать...

Эмма посмотрела на нее с жалостью. Она была младше подруги всего лишь на два года, однако считала, что ей-то о душе думать рано – наоборот, самое время думать о теле, потому что жизнь у нее только началась. Эмма принадлежала к тем натурам, у которых происходит так называемое позднее взросление. Не то чтобы она была безнадежно инфантильной, вовсе нет. Просто в те годы, которые другие тратят на танцы-пляски-пирушки-развлечения, Эмма была слишком серьезной. Она училась, она работала, она делала карьеру. И сделала-таки: из школьной училки, каких множество, превратилась в преподавательницу престижнейшего факультета университета – иностранных языков. Она обожала французский язык! Кроме того, работа на этом факультете оказалась весьма хлебным местечком – Эмма была завалена репетиторской работой, поскольку входила в состав приемной комиссии. Мамашки студентов и студенток не обходили преподавателей и подарочками – как по поводу праздников, так и без всяких поводов.

Появившись впервые на работе в убогом костюме, купленном на Алексеевском рынке («сделано в Турции», конечно), Эмма очень скоро приделась в бутиках и заново обставила квартиру. Она стриглась и делала маникюр в не самой дорогой, но и не самой дешевой парикмахерской. Она позволяла себе регулярно ходить в салоны красоты. Словом, она стала не без удовольствия поглядывать на себя в зеркало и обнаружила, что там и впрямь есть на что посмотреть. Эмме стали понятны и приятны игривые мужские взгляды, у нее завелись два-три кавалера, с которыми она с удовольствием отправлялась в постель при всяком возможном случае, наверстывая упущенное. Оказывается, мужчины очень разные, несмотря на то, что делают с женщиной вроде бы одно и то же! К сожалению, а может быть, и к счастью, никто из этих кавалеров не понравился Эмме настолько, чтобы влюбиться. Они, строго говоря, ничего особенного собой не представляли: доценты, кандидаты наук... Мелкота! Кроме того, они были люди семейные, обремененные женами и детьми, а связь с человеком семейным почти непременно чревата скандалом. А главное, ее любовники все были гораздо старше ее, а она-то была постоянно окружена множеством молодых красивых юношеских лиц... Короче говоря, бедняжка принадлежала к тем женщинам, которые способны любить только молодых мужчин.

Эмма смотрела на свое отражение в зеркале, словно сквозь некую сверкающую дымку, скрывающую от нее появление новых и новых неизбежных морщинок и прочих примет возраста. Ей казалось, что она точно так же молода, как все эти красавцы, которых она видит каждый день на лекциях и семинарах и которые поглядывают на преподавательницу французского с искренним мужским интересом... На счастье, у Эммы был холодный, логически совершенный ум, которым она понимала: на семьдесят процентов это внимание построено на голом расчете – желании расположить училку в свою пользу. Понимала она и другое: как бы ей ни нравился тот или иной студентик, в какое бы томление ни повергали ее плоть мысли о нем, любая связь или даже намек на связь с ним погубит ее жизнь и карьеру. Этого Эмма допустить не могла и не хотела. И не допускала. Борьба с собой давалась трудно: в отличие от подруги, она

была женщиной отнюдь не холодной, а наоборот – сексуально озабоченной. И даже весьма. Ну что ж, она находила некоторую разрядку в объятиях своих зрелых кавалеров, а в самые сладкие мгновения представляла себя с кем-нибудь из тех молодых оболтусов, которым ставит зачет или незачет, а то и кое с кем другим... Слава богу, у нее было достаточно богатое воображение!

Впрочем, настоящая и будущая любовная биография Эммы Шестаковой пока не имеет к делу никакого отношения, кроме одного: она была человеком нестандартных решений и поступков.

– Послушай, – сказала она подруге, поразмыслив, – ты в самом деле хочешь знать, что с твоим Валерием происходит?

– Ну да, – удивленно приподняла брови Галина. – А с какой бы радости иначе я у тебя совета просила?

– Ну, тогда вот тебе мой совет, – решительно заявила Эмма. – Раздобудь в своей психушке какой-нибудь препарат, который, по-научному выражаясь, подавлял бы сознание, а на речевые рецепторы воздействовал бы, наоборот, возбуждающе. И потихоньку подсыпь, подлей или как-нибудь впрысни его Валерику.

– Что-что? – растерянно спросила Галина.

– Ты не слышала? Или ушам своим не веришь? – усмехнулась Эмма.

– Ушам не верю... – пробормотала ее подруга. – Да как тебе такое могло в голову взбрести?!

Эмма пожала плечами, встала с дивана, на котором сидела, и направилась к выходу.

– Нет, погоди! – схватила ее за руку Галина. – Не уходи и не обижайся! Я просто... я просто не ожидала такого от тебя.

– И это очень хорошо, – хладнокровно ответила подруга. – Если мы будем делать только то, чего от нас ждут, все с тоски передохнут. Между прочим, знаешь, как я мечтала о такой жизни, какую теперь веду: с уверенностью в завтрашнем дне, упорядоченной, надежной! Но если бы мне сейчас подвернулась какая-нибудь авантюра, я ввязалась бы в нее, не задумываясь. Разумеется, если бы знала, что в финале мне светит что-нибудь существенное... деньги или положение...

– Или любовь? – лукаво предположила Галина, наслышанная кое о каких тайнах подруги.

– Любовь? – Эмма приподняла брови. – Любовь – это средство, а не цель. Это отличное, самое лучшее на свете средство для тренировки сердечной мышцы. Но только романы и фильмы кончаются свадьбой или любовной встречей. На самом деле после свадьбы следует развод, а после встречи – прощание. Уж я-то знаю! Поэтому я готова играть в любовные игры с кем угодно и в какой угодно позиции, но приз должен быть более весомым, чем просто оргазм или обручальное кольцо. Понимаешь?

Слово «оргазм» Галина знала только понаслышке, и вообще, такие разговоры ее страшно смущали, поэтому она отмахнулась от Эммы:

– Ладно, давай снова про Валерика поговорим. Ты смешная: прямо так взять шприц с каким-нибудь нейромедиатором, положить в карман и выйти из отделения, чтобы дома мужу язык развязать? У нас там знаешь какой строгий контроль!

– Значит, эта штука называется нейромедиатор? Будем знать. Что касается контроля, то ты вынеси просто ампулу, а шприц у тебя и дома есть, – хладнокровно посоветовала Эмма. – Ну что ты так тарачишься? Опять ушам не веришь? Дурочка, я тебе дельный совет даю. Ты что, уже забыла, за каким партизаном я была замужем? Из Ломакина можно было вытянуть, куда он зарплату спрятал, только применив к нему нейромедиатор в виде стакана. Или даже двух стаканов.

– Ну так то Ломакин... – все еще нерешительно протянула Галина. – И потом, ты же узнавала у него про деньги. А в моем случае о деньгах и речи нет.

– Во-первых, все мужики разные только в постели, а в жизни – похожи до тошноты, это ты мне как опытной женщине поверь, – парировала Эмма. – А потом, откуда ты знаешь, что речь не идет о деньгах? Может, твой Валерик именно что клад нашел и боится в этом признаться? Или не хочет...

С Эммой иной раз такое бывало – ляпнет что попало, как принято выражаться, «в сторону», а оказывается, попадет вовсе не в сторону, а в самое-пресамое яблочко... Так случилось и на сей раз.

* * *

Хорошо тому, кто ничего не имеет и ничем не владеет. Он свободен, он независим. А обладающий, владеющий... Ему тяжело! Внезапно свалятся на тебя деньги – будешь бояться, что они исчезнут так же неожиданно, как и появились. Купишь драгоценное украшение, уникальную вещь – спать не сможешь, опасаясь, что приобретение украдут. Заведешь молодого любовника... Ну, понятно, что тоже будет не до сна, хотя и по другой, сладостной, сладострастной причине. Однако каждое утро ты будешь подниматься с постели с одной мыслью: а не последней ли вашей ночью была *эта* ночь? Что, если сегодня он пойдет куда-нибудь, просто так, прогуляться, да больше и не вернется? И как ты будешь жить тогда?

Может быть, не сможешь жить вообще...

Теперь Фанни боялась только одного на свете: потерять Романа. Этот страх преследовал ее каждое мгновение, даже когда она не отдавала себе в том отчета. Потому что потерять его – означало бы вновь утратить то сияние молодости и красоты, которое вдруг озарило ее лицо, ее облик. Фанни и сама понимала, что похорошела несказанно: она ловила восхищение во взорах встречаемых мужчин и отвращение в глазах встречаемых женщин. А эти две составляющие (особенно последняя!) – неопровержимое подтверждение того, что выглядела она хорошо, очень хорошо! «Le Volontaire» гудел от комплиментов в ее адрес, даже пидермон Мэтью сподобился выразиться на тему, что все женщины, конечно, ошибка природы, кроме таких красавиц, как мадам. А бездельник Арман, наоборот, что-то загрустил, только смотрел, смотрел на Фанни не то с тоской, не то с насмешкой, кто его разберет (Фанни никогда не могла понять, о чем он думает, когда говорит всерьез, а когда ерничает). Да и не до Армана ей было! Каждое мгновение этих счастливых, счастливейших, невероятных дней (именно дней, а не ночей, потому что ночью *он* был рядом, близко, ближе некуда!) было пронизано болью и страхом. Они не отпускали ее, даже когда субботним утром Фанни по обыкновению надевала бриджи, мягкие полусапожки на низком каблуке, садилась на велосипед с корзинкой, укрепленной впереди, и ехала на рынок аж на авеню Трюдан. Конечно, вполне можно было пройти пешком квартал и очутиться на площади Бурз, где около здания Биржи тоже раскидывался рынок, но, во-первых, Фанни отлично знала, как потрясающе смотрится на велосипеде, во-вторых, езда на велосипеде – отличная тренировка, субботним утром она даже без обязательной пробежки обходилась, а в-третьих, Фанни никогда не упускала случая побывать близ Сакре-Кер. Вообще-то, существует даже анекдот, что это место, куда настоящие парижане никогда не ходят, только туристы. Снисходительно улыбаться при упоминании Сакре-Кер для парижан – хороший тон, но Фанни, типичная парижанка, в этом случае типичной не была. Ну, нравился ей храм Священного Сердца, что тут поделывать, вот такой моветон! Словом, даже когда она ехала на рынок, поглощенная, казалось бы, сугубо будничными, бытовыми заботами, она беспрестанно размышляла, а застанет ли Романа, когда вернется?

Заставала. Как правило, все еще в постели. Он любил долго спать. Он не любил ходить в театры и музеи, куда пыталась выводить его Фанни (вообще говоря, она тоже была не больно-то изощренной интеллектуалкой, но имелась, имелась у нее причина рваться в эти культовые места, а особенно – в музеи, а особенно – в Лувр и д'Орсе). Он любил утром, не вставая с кро-

вати, смотреть детективы по телевизору, лениво перебирая каналы. Иногда мусолил зачитанную книжку из русской библиотеки (Фанни подозревала, что Роман не собирается ее возвращать, а потихоньку решил присвоить) – все того же Поплавского. На сей раз не стихи, а прозу с жутким названием «Аполлон Безобразов». «Apollo Laid», перевел ей Роман, – это были чьи-то имя и фамилия, но Фанни не знала и не хотела знать, чьи, она боялась увлечения Романа вообще всем русским, даже книжками! А иногда он просто лежал, устремив взгляд в никуда, и только по сосредоточенно сдвинутым бровям и стиснутым губам можно было понять, что полет его мыслей вовсе не бесконтрольный и бессмысленный, что они волнуют Романа, тревожат – порою мучают...

В такие минуты Фанни особенно сильно пугалась, что когда-нибудь Романа унесет этот непостижимый для нее поток размышлений. Унесет безвозвратно, в ту жизнь, которую он вел прежде, до встречи с ней. Вообще-то, спокойнее всего Фанни себя чувствовала, когда, после бурной любви, Роман засыпал в ее объятиях или рядом, свернувшись калачиком и сплетя ноги с ее ногами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.